18+

МАКСИМ ПОЛУХИН

Кера. Становление порядка



Максим Полухин

Кера. Становление порядка

«Издательские решения»

Полухин М.

Кера. Становление порядка / М. Полухин — «Издательские решения»,

В мире, где бетон твердеет на воровстве, а ИИ сходят с ума от одиночества, единственным гарантом стабильности оказывается рыжий кот. Его зовут Кера — «Керосинчик». Для «Нового Подворья» — наглый найденыш, но под шерстью — биоконтролер: взламывает сейфы зубами, чинит трансформаторы хвостом, командует птицами.Чудеса в СНТ — исчезают ямы, птицы сортируют мусор, вода возвращается в краны. Никто не знает: порядок наводит пушистый председатель тайного синдиката с фуфайкой и кошачьим коварством.

© Полухин М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Рождение председателя» 6
Глава 2. Ямочный беспредел 10
Глава 3. Свет в конце трубы 14
Глава 4. Операция «Электричество» 18
Глава 5. Война заборов 22
Глава 6. Мусорный король 26
Глава 7. Интернет для бабушек 30
Глава 8. Восстание грядок 34
Глава 9. День тишины 38
Глава 10. Клубничный заговор 41
Глава 11. Танцующий колодец 44
Глава 12. Рыбалка примирения 48
Глава 13. Школа выживания кота 51
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Кера. Становление порядка

Максим Полухин

© Максим Полухин, 2026

ISBN 978-5-0071-5321-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Рождение председателя»

Дачный поселок с издевательски оптимистичным названием «Новое Подворье» умирал по осени красиво, но мучительно. Это была агония цвета: буйство золотых берёз и багровых клёнов лишь подчёркивало общую запущенность бытия. Дороги здесь не ремонтировали со времён распада СССР, да и тогда, кажется, просто присыпали битым кирпичом для отвода глаз. Осенние дожди превращали главную улицу в полосу препятствий из жидкой рыжей глины, способной засосать по щиколотку даже резиновый сапог.

Заборы стояли как покосившиеся зубы во рту старика. У кого-то — гордый профнастил цвета перезрелой сливы, у соседа напротив — трухлявый штакетник, сквозь который просвечивала вся личная жизнь участка. Между этими мирами пролегала вечная идеологическая граница.

Именно на этой границе, сидя на мокрой скамейке под протекающим навесом автобусной остановки, Виктор Петрович проводил свой ежедневный экономический форум. Собеседником выступал Семён Аркадьевич, бывший инженер-конструктор, а ныне такой же пенсионер-дачник с радикулитом и обострённым чувством справедливости.

— Я тебе говорю, Петрович, всё дело в насосе! — брызгал слюной Аркадьевич, стуча узловатым пальцем по газете «Аргументы Недели». — Старый сгорел? Сгорел. Новый купили за сорок тысяч. А где вода? Где давление?! Потому что трубы ещё при Хрущёве клали! Их мыши сгрызли!

— Мыши тут ни при чём, Сеня, — меланхолично отвечал Виктор Петрович, глядя на серый горизонт. — Деньги разворовали. Вот смотри смету. Сорок тысяч насос, десять работа. Пятьдесят. А списали сто. Куда полтинник делся?

— Так это… на благоустройство! Вон, клумбу Галине Семёновне сделали. Из покрышек. Эстетика!

— Эстетика… — фыркнул Петрович. — Галина эта сама себе цветы покупает, потому что наши, из покрышек, завяли через неделю. Почва отравлена строительным мусором. Мы живём на помойке, Сеня, которую кто-то удачно назвал «Новым Подворьем», чтобы взносы собирать.

Разговор был бесконечным, как лента Мёбиуса. Он вращался вокруг одних и тех же тем каждую субботу:

Кто ворует песок со склада (под подозрением были все, включая сторожевого пса Барона).

Почему правление купило триммеры фирмы «без названия», которые развалились после первого запуска.

И почему председатель, господин Залевский, сменил уже третью иномарку за три года, хотя официально его доход — пенсия жены.

Виктор Петрович встал, скрипнув коленями. Дождь усилился. Нужно было идти домой, топить печь-буржуйку и варить макароны. По пути он решил заглянуть к мусорному баку — выкинуть пакет и заодно проверить, не выбросил ли кто годные доски.

Мусорная площадка «Нового Подворья» заслуживала отдельного архитектурного проекта. Это был бетонный саркофаг, окружённый лужами мазута и гниющей органикой. Воздух здесь имел плотность и вкус. Виктор Петрович уже замахнулся пакетом, чтобы швырнуть его в недра контейнера, как вдруг услышал звук.

Это не было мяуканьем. Это был хрип. Тихий, вибрирующий свист умирающего механизма.

Петрович замер. Среди картофельных очистков, пакетов от кефира и старого ватного одеяла копошилось нечто. Маленький, слипшийся комок сырой ржавчины. Котёнок сидел прямо в луже чёрной жижи, подтянув лапки к животу, пытаясь сохранить остатки тепла. Его трясло так часто, что казалось, будто воздух вокруг него дрожит.

Рыжий. Но не весёлый апельсиновый, а цвет застывшей крови и дешёвого керосина. Грязь превратила его шерсть в панцирь.

— Тьфу ты, пропасть, — выдохнул Петрович. — Ещё один смертничек.

Он вздохнул, поставил пакет с досками на относительно сухой асфальт, подошёл к контейнеру. Котёнок даже не попытался убежать. У него не было сил. Он только смотрел на человека снизу вверх огромными, совершенно круглыми глазами цвета старой меди. В них не было страха. Только вселенская усталость.

Петрович осторожно, двумя пальцами, взял его за шкирку. Котёнок обвис тряпочкой.

— Ну привет, брак производства, — пробормотал дачник, пряча найденыша за пазуху старого свитера. Там сразу стало очень мокро и противно. — Ладно, пошли. Не на морозе же тебя оставлять. Хотя место твое самое то, родное.

Дом Виктора Петровича встретил их запахом холодной золы и одиночества. Щёлкнул выключатель, заливая кухню безжалостным светом люминисцентной лампы. Петрович аккуратно опустил котёнка на старый коврик у двери.

— Значит так, — обратился он к существу, стаскивая грязную куртку. — Мыть руки мы не будем, там мыть нечего, сплошная зараза. Сейчас организуем санобработку.

Котёнок стоял, расставив тонкие паучьи лапки, и мелко дрожал. Вода стекала с него на линолеум, образуя рыжую лужицу.

В ход пошёл старый таз, тёплая вода из чайника и обмылок детского мыла.

Процесс мытья котёнок запомнил как акт экзистенциального насилия. Сначала его макнули в тёплое (шок). Потом начали тереть жесткой рукой, снимая слои уличной жизни вместе с шерстью (оскорбление). Он пытался сопротивляться, выставляя хилую грудь вперёд, но силы были неравны. Через пять минут в тазу плескалась тёмно-бордовая вода, а на коврике сидело создание размером чуть больше мужского кулака. Шерсть высохла и встала дыбом, сделав кота похожим на взбесившийся осенний лист. Но теперь этот лист сиял чистым, ядовитым, бензиновым огнём.

— Керосинчик, — вынес вердикт Петрович, критически осмотрев результат. — Сокращённо — Кера. За боевой окрас.

Кота накормили размоченным в молоке хлебом. Он ел жадно, захлебываясь, урча двигателем внутреннего сгорания. Когда миска опустела, он попытался поблагодарить хозяина, потеревшись о резиновый тапочек, но промахнулся и просто упал набок от сытости и слабости.

— Лежи уж, чудо, — Петрович поднял его и положил на свою лежанку — старую фуфайку возле батареи. — Спи. Завтра решим, куда тебя девать. На улице ты бы до утра не дотянул. Замёрз бы или собаки порвали. Тут у нас законы джунглей, брат. Кто первый украл тот и молодец.

Щёлкнул свет. Дом погрузился в темноту, прерываемую лишь мерным гудением холодильника и тихим посапыванием пенсионера за стеной.

Кера не спал.

Сытость принесла с собой странное, звенящее чувство. Тепло от батареи проникало под кожу, разгоняя кровь, которая раньше едва ползла по сосудам. Каждая шерстинка потрескивала статическим электричеством. Мир стал слишком громким. Гудение холодильника оказалось рокотом древнего зверя. Скрип половицы наверху — шагом невидимого гиганта.

И запахи. Господи, эти запахи. От хозяйских ботинок пахло дорогой, бензином и дождём. От самой батареи шёл сухой жар раскалённого железа. А от рук человека, которыми он его мыл, исходил сложный букет: табак, дёготь, старые газеты и что-то кислое, одинокое.

Лапы сами понесли его прочь от спасительного тепла. Ему нужен был холод. Баланс. Он нашёл ванную комнату по сквозняку из-под двери.

Здесь царил иной мир. Кафель отдавал синевой. Зеркало над раковиной тускло отражало ночь.

Кера запрыгнул на стиральную машину. Махина стояла прочно, она не качалась. Отсюда открывался вид на зазеркалье.

Он подошел к самому краю, навис над стеклом. Там, в глубине, тоже был кот. Такой же рыжий, взъерошенный, с нелепо толстыми усами. Но глаза…

Глаза отражения жили своей жизнью. Они не просто блестели — они светились. Внутри радужки метались крошечные золотые искры, похожие на капельки плавящегося металла.

Кера моргнул. Отражение повторило движение с задержкой в долю секунды. Словно давало понять: я знаю твой следующий шаг.

Кера открыл рот, чтобы беззвучно шипнуть на наглого двойника. И в этот момент горло пронзила ледяная игла. Она прошла сквозь гортань, выбив весь воздух из лёгких.

Из пасти вырвался не мяв и не шип.

Это был чистый, ясный, синтезированный звук, лишённый всякого животного происхождения.

— Система стабилизации дыхания завершена. Анализ среды…

Голос прозвучал внутри головы и одновременно снаружи, отразившись от кафельной плитки. Механический, спокойный баритон с лёгким металлическим эхом.

Кера отшатнулся от зеркала, потеряв равновесие. Лапы соскользнули с гладкой крышки стиральной машины. Мир перевернулся. Последнее, что он увидел перед тем, как удариться боком о холодный фарфор унитаза, было своё отражение. Оно улыбалось. Широко, по-человечески, обнажая в зеркальной пустоте два ряда идеально ровных, белых шестерёнок вместо зубов.

Тишина ванной сомкнулась над ним тяжёлым одеялом.

Дар речи исчез так же внезапно, как появился, оставив после себя звенящую пустоту и металлический привкус на языке.

За окном «Нового Подворья» наконец перестал идти дождь. Посёлок спал, продолжая во сне спорить о краденых трубах и взносах на благоустройство. Никто не слышал, как внизу, в ванной комнате старого дома, впервые за миллионы лет эволюции подал голос маленький бог механизмов, случайно принявший облик рыжего кота.

Глава 2. Ямочный беспредел

Ночь в «Новом Подворье» всегда наступала резко, словно кто-то наверху просто выключал рубильник освещения. Вместе с темнотой приходила сырость и звуки, которых днём не было: треск остывающего шифера, далёкий лай одичавших собак из лесополосы и методичный звук капающей воды где-то у соседей.

Кера лежал на фуфайке Виктора Петровича, но сон не шёл. События в ванной комнате выбили его из колеи привычного кошачьего бытия. Механический голос внутри головы больше не звучал, но память о нём осталась — как фантомная боль в ампутированной лапе. Он был котом, это он знал наверняка. Тепло батареи ему нравилось, запах рыбы сводил с ума, а инстинкт требовал вылизывать шерсть после каждого прикосновения человека. Но теперь поверх этих базовых настроек работало что-то ещё. Какая-то параллельная программа.

Его новый слуховой аппарат ловил вибрации земли. Фундамент дома жил своей жизнью. Кера чувствовал, как под землёй, метрах в десяти от них, медленно сползает пласт глины, подмываемый грунтовыми водами. А дальше, по главной улице…

Туда он и направился, когда часы в доме (теперь он понимал принцип работы маятника) пробили три ночи.

Выход через форточку кухни занял долю секунды. Инстинкт подсказал сгруппироваться, приземлиться на все четыре, погасив инерцию. Воздух снаружи пах озоном и гнилью. Кера принюхался. Нужный запах вёл его к заброшенной стройке на окраине посёлка.

Два года назад здесь хотели возвести магазин шаговой доступности. Залили бетонную плиту фундамента, завезли гору щебня фракции 20—40, поставили синий туалет-бытовку… а потом деньги кончились даже у застройщика. Плита заросла полынью, щебень ушёл в землю, а бытовку растащили по доскам. Но гора камней осталась.

Найти её для Керы не составило труда. Запах битума и свежего скола известняка бил в нос за сто метров. Кот подошёл к краю насыпи. В лунном свете битое стекло, примешанное к щебню, блестело, как ледяное озеро.

Задача: транспортировка груза.
Препятствие: отсутствие колёсной базы и малый коэффициент полезного действия лап.
Решение: использование рельефа местности.

Кера начал рыть. Его когти, острые как хирургические скальпели, входили в слежавшуюся породу легко. Он работал задними лапами с бешеной скоростью, отбрасывая щебень вниз по склону. Через десять минут у подножия насыпи образовалась приличная куча дроблёного камня.

Теперь самое сложное.

Он выбрал камень размером с куриное яйцо. Зубами схватить — риск повредить клыки об острый край. Решение пришло само собой, откуда-то из глубин той самой «параллельной

программы». Кера лёг на бок, прижал камень передней лапой к животу, перекатился, прижимая добычу весом тела, затем встал и потащил волоком.

Это была тяжёлая работа. Камень цеплялся за корни, вяз в грязи. Метр пути — минута времени. Дыхание сбилось, рыжая грудка ходила ходуном. Но он упорно тащил свой груз к цели.

Яма у калитки Марьи Ивановны была легендарной. Она появилась там прошлой весной после прохода гружёного щебнем «КамАЗа» и имела идеальную форму параболы. Глубина — почти по пояс взрослому человеку. Днём она собирала воду и отражала небо, маскируясь под безобидную лужу. Ночью же превращалась в чёрную пасть.

Именно туда сегодня вечером угодила карета скорой помощи. Вызывали к мужу Марьи Ивановны — прихватило сердце. Водитель, матерясь так, что осыпались последние листья с берёз, пытался сдать назад. Колесо сорвалось в яму окончательно. Пришлось вызывать трактор председателя из соседней деревни, переносить больного на носилках через грязь в другую машину. Скандал был грандиозный. Весь вечер посёлок обсуждал бессердечие гравитации.

Кера докатил свой камень до края ямы. Бросил внутрь. Звук падения был глухим и удовлетворительным. Один есть.

Он работал до рассвета. Это был конвейер. Спуск к щебёнке, добыча камня методом опрокидывания собственного тела, подъём, буксировка, сброс. Мышцы горели огнём. Шерсть снова стала мокрой и грязной, превратившись в панцирь. Он потерял счёт времени. Для него существовали только ритм дыхания, вес камня в лапах и тёмный провал ямы, который нужно было заполнить.

Когда первый луч солнца окрасил восток в цвет дешёвого томатного сока, Кера свалил последний булыжник. Яма всё ещё оставалась глубокой — чтобы полностью её ликвидировать, понадобился бы грузовик ПГС, — но теперь колесо машины могло проехать. Острые края были сглажены, дно уплотнено камнями.

Работа сделана.

Силы оставили его мгновенно. Он сделал два шага в сторону, забрался под разлапистую ель у забора Марьи Ивановны, свернулся клубком прямо на промёрзшей хвое и отключился.

Утро в «Новом Подворье» началось не с гимна труду, а с истошного крика.

— Люди! Да что ж такое делается! Господи Исусе!

Голос принадлежал Семёну Аркадьевичу. Виктор Петрович выглянул в окно. На улице толпился народ. Все смотрели себе под ноги и разводили руками. Петрович вышел на крыльцо, накинув телогрейку.

Картина напоминала массовое помешательство. Улица, вчера представлявшая собой танковый полигон, преобразилась. Самые глубокие рытвины — перед домом сварливого деда Николая, у колонки и та самая, роковая у Марьи Ивановны — были засыпаны щебнем. Не идеально ровно, но достаточно, чтобы старая «Нива» почтальона прошла, не оставив там подвеску.

— Это диверсия! — разорялся Семён Аркадьевич, тыкая палкой в камни. — Качественный известняк! Откуда?! У нас в смете этого нет! Кто посмел?!

— Может, самосвал разгрузил? — предположил кто-то из задних рядов. — Ошибся адресом?

— Какой самосвал?! Ты глянь фракцию! Тут вручную работали! И заметьте, самые поганые места заделали. Те, где мы месяц митинговали!

Народ загудел. Версии рождались одна фантастичнее другой:

Приезжали гастарбайтеры-нелегалы, отработали за еду и растворились в тумане.

Это предвыборный пиар кандидатов в районную администрацию (хотя выборов не предвиделось).

Марья Ивановна сошла с ума от горя и перетаскала камни сама ночью (эту версию отмели сразу — сил бы у бабки хватило разве что на песчинку).

В центре толпы, важно подкручивая седой ус, стоял Борис Львович Залевский. Председатель. Человек-гора в дорогом охотничьем камуфляже, который он надевал исключительно для выездов в посёлок, считая его аналогом формы власти.

— Так, товарищи садоводы, попрошу тишины! — рявкнул он своим фирменным басом, выработанным на заседаниях правления. Толпа притихла. Авторитет Бориса Львовича держался на смеси страха и умения говорить уверенно о непонятных вещах.

— Что мы видим? Мы видим оперативное вмешательство! — он театрально указал рукой на яму у Марьи Ивановны. — Когда вчера этот инцидент со скорой помощью произошёл, я лично взял ситуацию под контроль. Вы думаете, председатель ест свой хлеб зря? Я провёл экстренные переговоры. Привлёк внебюджетные средства. Силами привлечённого подрядчика…

Виктор Петрович слушал этот бред, чувствуя, как начинает дергаться глаз. «Внебюджетные средства» — это старый щебень со стройки. «Привлечённый подрядчик» — видимо, тот самый Барон, которого подозревали в краже песка. Но масштаб наглости поражал.

— …работы проведены в ночное время, дабы не создавать препятствий дневному трафику жителей! — заливался соловьём Залевский. — Вопрос закрыт. Переходим к повестке дня. Сбор целевых взносов на установку шлагбаума.

Толпа начала расходиться, качая головами. Кто-то восхищался деловой хваткой председателя, кто-то сомневался, не развалится ли эта «заплатка» после первого дождя, но факт оставался фактом: ехать стало лучше.

Борис Львович, довольный произведённым эффектом, уже доставал блокнот, готовясь записать фамилии тех, кто сдаст на шлагбаум.

Из-под старой ели, сладко зевнув во всю зубастую пасть, показалась рыжая морда. Кера стряхнул с усов сухую хвоинку. Он слышал каждое слово председателя.

«Внебюджетные средства, значит, — подумал кот, выгибая затёкшую спину идеальной дугой. — Ну-ну».

Ему вдруг мучительно захотелось молока. И проверить, как работает электрический чайник Виктора Петровича. Дар речи пока молчал, но понимание сути вещей росло с каждой минутой.

День обещал быть интересным.

Глава 3. Свет в конце трубы

Утро вторника выдалось на редкость нервным. Вместо привычного шипения кофеварки и запаха поджаристого хлеба кухня Виктора Петровича пропиталась запахом валерьянки и озона грядущего скандала.

— Сволочи, — Петрович с размаху бросил эмалированную кружку в раковину. Кружка жалобно звякнула, но устояла. — Доигрались.

Кера, сидевший на холодильнике подобно статуэтке будды, лениво дернул ухом. Он уже знал причину утренней трагедии, потому что слышал её ночью. Вернее, не слышал.

Вода перестала течь из крана ровно в семь утра ноль три секунды. Для человека это был просто сухой щелчок смесителя. Для Керы же мир изменился по-другому. Исчез низкочастотный гул, который шёл от труб, замурованных в стены. Этот гул был пульсом посёлка. И сейчас пульс пропал.

Оказалось, что правление «Нового Подворья» во главе с Борисом Львовичем снова проявило чудеса финансовой эквилибристики. Деньги, собранные с пенсионеров на оплату счетов водоканала, были перенаправлены на срочный ремонт забора вокруг правления (который не видела ни одна живая душа) и премию самому председателю за «успешное преодоление кризиса». Водоканал ждать не любил. Вчера вечером они обрезали задвижку на въезде в посёлок тяжёлой болгаркой и поставили пломбу.

Виктор Петрович метался по кухне, как раненый зверь.

— Умыться нечем! Чаю не вскипятить! А у меня давление двести на сто! Куда звонить? В милицию? Так они посмеются только…

Он остановился, тяжело дыша, глядя в окно. На улице уже собирался стихийный митинг. Соседи кричали друг на друга, Семён Аркадьевич потрясал кулаками в сторону дома председателя, а Марья Ивановна тихо плакала, сидя на лавочке с пустым ведром.

Кера спрыгнул с холодильника мягко, без звука. Он подошёл к хозяину и требовательно боднул его колено головой, издав протяжное, вибрирующее «Мр-р-рау?».

— Отстань, шерстяной, — отмахнулся Петрович. — Без тебя тошно. Пойду хоть снег растоплю для туалета… Позорище какое.

Хозяин ушёл, громыхая сапогами. Кера остался один. Механический голос внутри больше не давал подсказок текстом, он работал иначе: подсвечивал причинно-следственные связи холодным логическим светом.

Проблема: отсутствие жидкости H2O в системе водоснабжения жилого сектора.

Причина: блокировка финансового потока между СНТ «Новое Подворье» и МУП «Водоканал».

Решение: восстановление транзакции.

Офис правления находился в бывшем строительном вагончике, выкрашенном в жизнерадостный синий цвет. Днём там всегда было людно и шумно. Ночью же вагончик превращался в склеп чужих амбиций.

Окно бухгалтерии было приоткрыто на проветривание — узкая щель шириной сантиметров десять. Для обычного кота задача невыполнимая: нужно втянуть массу, размазаться по плоскости, удержать равновесие. Но Кера теперь мыслил векторами. Он прижался к кирпичной стене, выдохнул, максимально уменьшив объём грудной клетки, и буквально всосался внутрь этой щели, просочившись, как капля ртути.

Внутри пахло бумажной пылью, засохшим кофе и страхом. Страхом Бориса Львовича перед налоговой. Стол бухгалтера был завален папками. Компьютер стоял в спящем режиме, мигая красным диодом модема.

Но Керу интересовал сейф.

Старинный советский монстр «Форт», покрытый облупившимся серым пластиком. Он стоял в углу и выглядел неприступным. Однако система вентиляции помещения работала исправно, разнося запахи. И прямо от нижней щели сейфа тянуло едва уловимым ароматом машинного масла, типографской краски и… денег. Свежих, хрустящих купюр, которые хранили в себе статическое электричество кассира.

Сейф был закрыт. Но замок был механическим, сувальдным. Древняя технология.

Кера подошел к двери. Его вибриссы — кошачьи усы — работали сейчас как высокоточные лазерные дальномеры. Он чувствовал микровибрации металла. Опустив голову почти до самого пола, он начал медленно вести носом вдоль стыка дверцы и корпуса.

Щелк.

Звук был тише падения осеннего листа. Один из ригелей замка чуть-чуть сместился под собственным весом, найдя слабину в изношенном металле после того, как кот надавил плечом на определённую точку дверцы, создав идеальное напряжение конструкции. Замок удерживался теперь всего на двух стержнях из шести.

Дальше потребовалось усилие. Кера уперся всеми четырьмя лапами в линолеум, напряг мышцы спины, которые оказались гораздо крепче, чем должны быть у восьмикилограммового животного, и потянул дверь на себя зубами за край уплотнительной резинки.

Металл взвизгнул. Ригели со скрипом вышли из пазов.

Дверца приоткрылась.

Внутри лежала она. Аккуратная банковская пачка пятитысячных купюр, перетянутая резинкой. Рядом — ведомость целевых взносов. Виктор Петрович. Сумма: 5000 рублей. Дата: прошлый вторник. Печать «ОПЛАЧЕНО» отсутствовала.

План сложился мгновенно.

Извлечь наличность.

Транспортировать.

Совершить цифровой платёж через терминал.

Взять деньги в зубы оказалось неудобно. Резинка больно впивалась в дёсны. Пришлось действовать иначе. Кера столкнул пачку на пол. Она упала плашмя. Кот поддел её передней лапой, закинул на спину, прижал всем телом пополз к окну. Со стороны это напоминало движение огромной рыжей гусеницы с деньгами вместо листа.

Выбраться наружу с таким грузом было сложнее. Купюры цеплялись за раму. Кера зажмурился, собрал волю в комок и мощным толчком задних лап выпрыгнул из окна вместе с деньгами, кубарем покатившись по мокрой траве.

До круглосуточного магазина на трассе, где стоял терминал оплаты, было два километра. Путь пролегал через сырой луг и перелесок.

Кера бежал низко к земле, сливаясь с туманом. Деньги всё ещё были с ним — он догадался вытряхнуть их из импровизированной перевязи и гнать перед собой, как бильярдный шар, благо пачка была увесистой и катилась хорошо.

Терминал встретил его равнодушным синим экраном. Время — четыре часа двадцать минут утра. Солнце ещё не встало, но небо на востоке уже стало пепельным.

Это была самая сложная часть операции. Кошачья лапа не предназначена для работы с сенсорными экранами и приёма купюроприёмников. Когти скользили по стеклу.

«Голосовая активация?» — мелькнула мысль, но дар речи покинул его так же внезапно, как появился в ванной. Видимо, использовался режим энергосбережения.

Нужно было использовать окружение.

Рядом с магазином стояла старая телефонная будка. Стеклянная. А рядом — урна, полная вчерашних чеков и пластиковых стаканчиков. Идеально.

Кера схватил когтями смятую пластиковую бутылку из-под минералки. Подтащил её к терминалу. Просунул горлышко в купюроприёмник. Горлышко вошло плотно. Теперь нужен был рычаг давления.

Он огляделся. Взгляд упал на камень брусчатки у фундамента магазина. Слишком тяжёлый, чтобы поднять. Но гравитация работает бесплатно.

Кера уперся лапами в камень, навалился спиной. Сначала сдвинул на миллиметр. Потом ещё. Мышцы трещали. Камень поддался. Медленно, сантиметр за сантиметром, он начал сползать по наклонному фундаменту прямо на торчащую из терминала бутылку.

Камень надавил на пластик. Пластик передал давление на механизм захвата купюр.

Терминал взвыл сервопрометром, принимая несуществующую бумажную банкноту. Экран моргнул: «ПРИНЯТО: 5000 РУБ.»

Дальше дело техники. Выбрать регион -> ЖКХ -> Водоканал -> Ввести лицевой счёт (номер счёта Кера запомнил, когда видел квитанцию на столе у Виктора Петровича).

Экран высветил сумму долга: 4870 руб. 50 коп.

Комиссия: 70 руб.

Итого: 4940 руб. 50 коп.

Подтвердить?

Лапа зависла над кнопкой. Коготь опустился. Раздалось короткое «пик».

На экране загорелось зелёное слово: «ПЛАТЁЖ ПРИНЯТ».

Кера обессиленно рухнул на асфальт. Дело сделано. Остаток денег — тридцать девять рублей пятьдесят копеек — застрял внутри терминала. Невелика потеря ради спасения целого посёлка.

Обратная дорога заняла больше времени. Рассвет раскрашивал мир в пастельные тона. Когда Кера добрался до своего участка, петухи уже орали вовсю, приветствуя новый день.

Через окно кухни он проник в дом. Виктор Петрович сидел за столом, положив голову на руки, и тяжело дышал. Услышав шорох, он поднял опухшее, красное лицо.

На подоконнике, сладко потягиваясь и выгибая спину крюком, сидел Керосинчик. Абсолютно обычный рыжий кот. Никаких следов ночной вылазки, если не считать крошечного кусочка синего пластика, зацепившегося за клык, который он тут же слизнул языком.

Кера спрыгнул на стол. Подошёл к хозяину. Залез ему на колени, игнорируя газету и недоеденный сухарь. Ткнулся влажным носом в заросшую щёку Петровича.

Затем свернулся плотным клубком прямо поверх дрожащих рук старика.

И включил мурчальник.

Это был не просто звук. Это была ультразвуковая терапия. Частота вибрации — 25 Герц, идеальная для регенерации костной ткани и успокоения нервной системы. Гул заполнял кухню, вытесняя отчаяние.

Петрович замер. Он смотрел на этого наглого, грязноватого кота, которого подобрал на помойке, и впервые в жизни почувствовал, как ледяной обруч паники вокруг сердца начинает таять.

— Что ж ты за зверь такой, Кера… — прошептал он, зарываясь пальцами в густую шерсть на загривке. — Чудо ты моё рыжее.

Кера жмурился и мурлыкал. Вода пошла в краны посёлка в шесть часов утра. Автоматическая рассылка уведомлений от банка пришла на телефон Бориса Львовича в шесть ноль пять, вызвав у последнего инфаркт микро-инсультного типа прямо во время завтрака.

Но Кера об этом пока не думал. Он грел хозяина и восстанавливал силы. Впереди был долгий день, полный соблазнов в виде сметаны и необходимости следить за тем, чтобы никто случайно не наступил на шланг насоса. Жизнь налаживалась.

Глава 4. Операция «Электричество»

В четверг над «Новым Подворьем» повисла тишина, которая электрикам всегда нравится больше громких скандалов — звенящая, напряженная тишина перегруженной сети.

Старый трансформатор СНТ, установленный еще в эпоху застоя и покрашенный тогда же веселой голубой краской, теперь напоминал ржавый скелет кита, выброшенного на берег цивилизации. По ночам он гудел низким басом, а по утрам от его стенок шел такой жар, что сохли лужи вокруг бетонного основания. Изоляция проводов потрескалась, кое-где обнажая медь, которую периодически пытались грызть полевые мыши с суицидальными наклонностями.

Кера сидел на крыше трансформаторной будки. Отсюда открывался отличный вид на весь поселок. Он чувствовал электричество не так, как люди. Для них это была лампочка Ильича или счетчик с бегающими цифрами. Для Керы это был густой, вибрирующий кисель, заполняющий пространство между столбами. Он ощущал кожей частоту тока — пятьдесят герц бились подушечками лап, как второе сердце.

Проблема локализовалась быстро. Главный рубильник грелся неравномерно. Контакты окислились, сопротивление выросло, превратив соединение в примитивный обогреватель. Еще пара часов, и металл отпустит болты от теплового расширения. Искра. Короткое замыкание. И всё «Новое Подворье» погрузится во мрак ноябрьской ночи.

Нужно было действовать. Но лезть туда днем, когда электрик Боря из местного РЭСа совершает обход, означало провал. Бориса Петровича (в народе просто Борю) коты боялись не потому, что он был злой. А потому, что от него пахло озоном, канифолью и вечным похмельем, которое делало его движения непредсказуемыми. У Бори были резиновые сапоги сорок шестого размера и привычка пинать рыжих кошек, принимая их за лис.

Требовалась диверсия.

Штаб операции развернулся за кучей старых шпал у заброшенной железной дороги.

Собрать коалицию оказалось сложнее, чем думал Кера. Местная фауна жила по законам первобытной анархии.

— Гав! — пролаял Цезарь, одноглазый алабай со свалки. Его шкура воняла свободой и гнилыми костями. — Ты хочешь, чтобы я отвлекал Двуногого-Без-Колбасы? Зачем? Пусть сам чинит. Мои миски пусты при любом режиме!

Рядом тявкнула мелкая пушистая взвесь по кличке Помпон — любимица Марьи Ивановны, никогда не покидавшая пределов участка без хозяйки на руках.

— Это антисанитарно! Там микробы! Я могу простудиться!

Кера стоял перед ними на перевернутом ведре. Сейчас он не был милым домашним питомцем. Он был вождем. Шерсть на загривке стояла дыбом, увеличивая его визуально вдвое. Желтые глаза горели фосфором приказа.

Он не стал тратить время на уговоры. Он показал.

Резко прыгнул вперед, сбив зазевавшегося воробья прямо в воздухе. Не убил, придавил лапой.

— Слушайте все, — голос внутри головы снова включился, но теперь он звучал иначе — хрипло, по-походному. — Сети упадут. Ваши цепи превратятся в ледяные статуи. Помпы встанут. Вода замерзнет. Вы будете грызть друг друга за кусок промерзшей капусты до весны. Вопросы?

Аргумент про капусту подействовал даже на аристократичного Помпона. Жить хотелось всем.

План был прост, как удар током:

Группа «Хвосты» (местные кошки): занять позиции на заборе вдоль тропинки Бори. При его появлении начать демонстративную половую охоту, мартовские песни и драки за территорию. Создать звуковой хаос.

Группа «Грязные лапы» (дворняги под командованием Цезаря): устроить показательную погоню за невидимым зайцем ровно через дорогу от будки, создавая иллюзию стаи бешеных животных, готовых порвать любого, кто выйдет из машины.

Объект «Искра» (Кера): проникновение внутрь, устранение неисправности.

Боря приехал на желтом «УАЗике-буханке» после обеда. В кабине орало радио «Шансон», заглушая треск искрящих изоляторов.

Электрик вылез, хлопнув дверью так, что осыпалась штукатурка с ближайшего сарая. В одной руке сумка с плоскогубцами, в другой — бутерброд с дешевой колбасой.

— Эй, рыжее! — крикнул он, заметив Керу, сидящего на столбе. — Брысь отседова, шерсть! Током убьет — домой не приходи, мамка заругает!

И тут началось.

Сначала сработала группа «Хвосты». Забор ожил. Десятки кошачьих силуэтов заметались туда-сюда. Воздух наполнился шипением, достойным выпускающего пар паровоза. Черный Барсик сцепился с белой Снежкой прямо над головой электрика, посыпая того трухой и листьями.

— Да что ж такое! Чума на оба ваши дома! — выругался Боря, пряча лицо от когтей.

Но звуковая завеса была лишь прелюдией. Со стороны мусорных баков раздался боевой клич Цезаря, подхваченный пятью дворовыми головорезами. Они вылетели на поляну, имитируя нападение на грузовик. Глаза налиты кровью, слюна летит клочьями.

Боря замер с занесенной ногой. Посмотрел на стаю. Посмотрел на кошек. Оценил расстояние до машины.

— Мать моя женщина… — выдохнул он. — Бешенство…

Бутерброд упал в грязь. Боря рванул обратно к «буханке», запрыгивая на подножку быстрее, чем позволяла физика человека с пузом. Дверь захлопнулась.

Отвлекающий маневр выполнен идеально.

Кера спрыгнул со столба. Мягко приземлился на крышу будки. Спустился по пожарной лестнице вниз.

Замок на двери висел для виду — обычная китайская жестянка. Любой уважающий себя уличный кот знает: если нажать плечом на нижнюю петлю, дверь сама отходит на пару сантиметров. Достаточно, чтобы просунуть нос и толкнуть.

Внутри пахло раскаленным металлом и смертью. Трансформатор дышал жаром. Медные шины гудели, передавая вибрацию в бетонный пол. Вот оно — место разрыва контакта. Болт главной фазы почти выкрутился от вибрации, оставив зазор в сантиметр. Оттуда били синие мухи разрядов.

Оголенные провода находились под смертельным напряжением. Касаться их лапой — самоубийство. Резиновых перчаток у Керы не было.

Пришлось использовать законы термодинамики и собственный хвост.

Кера нашел в углу старую ветошь, пропитанную мазутом (идеальный диэлектрик, плохо проводящий ток). Сунул в нее кончик хвоста, плотно прижав шерстью. Получилась импровизированная изолированная указка.

Медленно, миллиметр за миллиметром, он начал заводить обмазученный кончик хвоста в щель между болтом и клеммой. Цель: создать физическое давление, дожать контакт, пока ток не найдет путь наименьшего сопротивления через металл, а не через воздух.

Разряд ударил в дерево рядом. Запахло паленым. Шуба на боку вспыхнула бы, дернись он хоть на дюйм.

«Давай, железка, — думал Кера, чувствуя, как вибрация передается по позвоночнику прямо в мозг. — Держись».

Он надавил сильнее. Хруст. Металл соприкоснулся с металлом. Зазора нет.

Синяя смерть исчезла. Гудение стало ровным, глубоким, здоровым. Температура начала падать.

Дело сделано. Осталось убрать следы.

Кера схватил зубами пустую пачку из-под сигарет «Прима», валявшуюся в углу (запах табака перебьет запах шерсти), и вышвырнул её наружу. Затем аккуратно затер лапой свои следы на пыльном бетоне.

Выход занял секунду. Щель внизу двери закрылась.

Боря выждал еще десять минут, крестясь и читая молитву святому Николаю-угоднику, покровителю путешествующих и дураков. Когда собаки устали лаять и начали подозрительно обнюхивать колеса, он рискнул выглянуть.

Тишина. Кошки испарились. Собаки делают вид, что они просто мимо проходили.

Боря подошел к будке, открыл дверь. Потрогал контакты индикатором-отверткой. Индикатор равнодушно молчал. Фаза стабильна.

— Свят-свят… — пробормотал электрик. — Перегрелся я, кажись. Мерещится уже… Надо меньше пить.

Он торопливо закрыл замок, перекрестил железную дверь и дал по газам, уезжая подальше от проклятого места.

Вечером Виктор Петрович сидел на крыльце. Рядом, на ступеньке выше, положив голову хозяину на ботинок, лежал Кера.

Петрович гладил его по рыжему боку и разговаривал сам с собой:

— Странный ты зверь, Керосинчик. Умный слишком. Другой бы сейчас мышей гонял, а ты сидишь, думаешь о чем-то. Весь день где-то пропадал. Устал?

Кера поднял голову и издал тихий, одобрительный звук. Не мурчание, нет. Что-то среднее между вздохом старого генерала и работой исправного генератора.

— Ну спи, стратег, — улыбнулся Петрович. — Спасибо, что живой остался. А то ходишь везде, смотришь… Я вот думаю сетку-рабицу заказать, чтоб чужие не лазили. А то мало ли…

Кера закрыл глаза. План «Периметр» только что получил нового союзника.

Глава 5. Война заборов

Ноябрь в «Новом Подворье» всегда был месяцем обострений. У кого-то шалило давление, у кого-то — совесть, а у председателя Бориса Львовича Залевского традиционно воспалялось чувство прекрасного.

Точкой невозврата стала пятница и профнастил цвета «вырвиглаз-зелень».

Участок номер сорок два принадлежал молодому айтишнику Стасу, который купил дачу на деньги от продажи какого-то кода и решил, что отдых должен быть ярким. Он снес старый покосившийся штакетник и за один день возвел стену из глянцевого зеленого металла высотой ровно два метра. Забор отражал солнце так яростно, что у Марьи Ивановны на соседнем участке начали сохнуть помидоры, а куры перестали нестись, пугаясь собственного зеленоватого отражения.

Борис Львович увидел это безобразие во время утреннего объезда территории на своем китайском квадроцикле. Лицо председателя пошло багровыми пятнами.

— Эстетический террор! — провозгласил он, стукнув кулаком по рулю так, что сработала сигнализация. — Это не поселок для отдыха, это Шанхай какой-то! Гулаг-стайл!

К вечеру над крыльцом правления (того самого синего вагончика) уже висело рукописное объявление, пришпиленное степлером:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ №46-Б

В целях соблюдения единого архитектурного облика СНТ «Новое Подворье», ВСЕМ собственникам надлежит в срок до конца месяца демонтировать заборы, не соответствующие стандарту: высота 1.5м, материал — дерево (штакетник), цвет — натуральный/зеленый классический. Профнастил, бетонные плиты и сетка-рабица ЗАПРЕЩЕНЫ.

Подпись: Председатель Б. Л. Залевский».

Скандал разразился грандиозный.

— Мои деньги, мой участок! Что хочу, то и ворочу! — орал через дорогу владелец участка с кирпичным забором, похожим на кремлевскую стену.

— А мой забор вообще антикварный! Дед его из барского имения привез после революции! — визжала старушка божий одуванчик, чей забор состоял из чугунных пик.

— Я этот профнастил на кредитку покупал! — рыдал айтишник Стас. — Мне теперь ипотеку платить, а вы меня заставляете его болгаркой пилить?!

Виктор Петрович своего мнения пока не высказывал, но его забор — ровный, аккуратный, из хорошего бруса — тоже подпадал под категорию «нестандарт», так как был высотой метр семьдесят («чтоб глаза ваши бесстыжие мою смородину не рассматривали»).

Кера наблюдал за этой вакханалией со столба электропередач. Логика людей была ему непонятна. Зачем строить преграду, чтобы потом тратить силы на её разрушение? Но запах страха, исходящий от правления, где Борис Львевич пытался успокоить толпу обещаниями вызвать полицию, Кере не нравился. Снос заборов означал шум, пыль и нарушение привычных маршрутов патрулирования.

Нужно было нанести удар по самой уязвимой части любого чиновника — по бумажке.

Глубокой ночью, когда луна скрылась за тучами, а поселок спал тревожным сном должников, Кера начал операцию «Архитектурное наследие».

Целью был сейф в вагончике правления. Но если в прошлый раз там лежали деньги, то сейчас нужна была информация. Устав СНТ хранился в обычной папке-скоросшивателе на полке. Рядом стояли подшивки журналов «Вестник садовода» за девяностые годы.

Проникновение прошло штатно. Форточка снова любезно оставлена открытой бухгалтершей Ниной, которая курила прямо в кабинете вопреки противопожарной безопасности.

Кера запрыгнул на стол. Его целью была пишущая машинка «Любава», стоящая в углу специально для заполнения квитанций вручную, потому что принтер председатель пропил еще три года назад.

Проблема: кошачья лапа слишком мала для клавиш. Рычаг управления недостаточен для пробела или перевода каретки.

Решение: импровизация.

На полу валялся обгрызенный карандаш. Кера столкнул его лапой. Карандаш покатился. Кот подтолкнул его так, чтобы тот застрял между клавишами «Ш» и «И». Затем взял второй карандаш. Используя их как палочки для еды, он начал печатать.

Это была медитативная работа. Звук «Дзынь-клац!» разносился по пустой комнате. За час титанических усилий кот смог напечатать примерно треть страницы текста.

Но текст — это только половина дела. Нужна бумага с печатью.

Кера обследовал полки. И нашел сокровище. В нижнем ящике шкафа пылилась коробка с реквизитом предыдущего председателя — старого маразматика Михалыча. Там лежала гербовая печать несуществующего ведомства «УПРАВЛЕНИЕ ПО СТАНДАРТИЗАЦИИ ПРИГОРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РСФСР». Резина рассохлась, краска засохла, но форма осталась.

Оставался главный вопрос: чем заправить?

Кера понюхал воздух. Чернила… нет. Тонер… нет. О! Старый пузырек с черными чернилами для перьевых ручек, которыми Нина заполняла журналы платежей. Густой, маслянистый состав.

Кот опрокинул пузырек носом. Часть пролилась на столешницу (невелика беда), часть попала в крышку. Кера аккуратно прижал резиновую печать к черной жиже. Идеально.

Затем он подошел к краю стола, где лежала стопка чистой бумаги формата А4 для протоколов. Придавил край листа лапами, свесив его вниз, и приложил печать.

Хлоп.

След получился жирным, расплывчатым, невероятно старым и солидным.

Теперь нужно состарить сам документ. Люди падки на винтаж.

Кера нашел на подоконнике чашку с остатками холодного чая и окунал туда каждый лист своей «типографской продукции». Затем посыпал сверху пеплом из пепельницы. Для финального штриха он слегка погрыз края бумаги своими острыми зубами, создавая эффект потертости временем.

Текст, который он настучал карандашами, гласил:

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ.
ИНСТРУКЦИЯ-НАПОМИНАНИЕ №88/4-К
от 12 мая 1974 г.
УПРАВЛЕНИЕ ПО СТАНДАРТИЗАЦИИ ПРИ ГОСТ СССР
Касательно: Архитектурных форм садоводческих товариществ.

В связи с участившимися случаями возведения однотипных ограждений (заборов), приводящих к угнетению психики граждан и снижению творческой продуктивности населения, НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕТСЯ:

Признать кривизну линий, разноуровневость высоты секций и использование нестандартных материалов (включая гофрированное железо ярких расцветок) признаками высокой эстетической подготовки владельца участка.

Установить, что отклонение забора от вертикальной оси более чем на 15 градусов классифицируется как «Творческий наклон» и подлежит охране обществом ВОИР.

Запретить председателям правлений требовать сноса конструкций, имеющих явные признаки индивидуальности, согласно Постановлению Коллегии Министерства Культуры №402-бис «О борьбе с визуальным унынием».

Контроль за исполнением возложить на добровольную народную дружину и котов рыжего окраса.

Начальник Управления /подпись/ Размыто И. И.**
(Печать герба РСФСР)

Кера сложил бумагу вчетверо, сунул в обычный почтовый конверт без марки и надписал адресата корявым почерком, имитируя руку пьяного курьера: «Правлению СНТ Новое Подворье. Лично в руки Товарищу Председателю. СРОЧНО. Не вскрывать посторонним».

Ранним утром, когда Борис Львович вышел к машине, держа в руках термос с кофе, он наступил на конверт, торчащий из почтового ящика.

— Какая еще макулатура… — буркнул он, бросая пакет на сиденье.

Вечером в вагончике правления заседала комиссия.

Борис Львович торжественно развернул находку перед казначеем Семеном Аркадьевичем и бухгалтером Ниной.

— Вы посмотрите! — голос председателя дрожал от благоговения. — Из Москвы! Из архива! Гриф секретности снят наконец-то!

Он водил пальцем по строчкам, шевеля губами.

— Семен Аркадьич, ты читал постановление Минкульта?

— Нет, — честно признался инженер, протирая очки. — Мы тогда цех сдавали, не до балетов было.

— А тут черным по белому! — палец Бориса Львовича уперся в строку про «кривизну линий». — Оказывается, мы чуть культурный геноцид не устроили! Этот ваш зеленый забор, Станислав, — обратился он к съежившемуся айтишнику, которого вызвали на ковер, — это же не позор! Это «признак высокой эстетической подготовки»! Советская власть одобряет!

Семен Аркадьевич надел очки и наклонился ближе.

— Боря… а бумага какая странная. И пахнет… мышами и табаком «Прима».

— Молчать! — рявкнул председатель, прижимая драгоценность к груди. — Это архивная пыль! История! Ты понимаешь, что нам теперь нельзя трогать НИ ОДИН ЗАБОР?! Если мы снесем хоть штакетину, нас обвинят в антисоветской деятельности и растрате культурного наследия!

Борис Львович встал, выпятив грудь. В глазах его стояли слезы умиления.

— Значит так, граждане садоводы, — объявил он появившимся на пороге недовольным владельцам кирпичных стен. — Вопрос закрыт. По просьбе министерства культуры и лично товарища Размыто… э-э-э… Иннокентия Игнатьевича, все ваши художества остаются на местах. Будем считать это музеем под открытым небом. Расходитесь.

Толпа медленно расходилась, ничего не понимая, но радуясь победе.

Айтишник Стас упал на колени прямо перед своим зеленым профнастилом и зарыдал от счастья, целуя холодный металл.

— Спасибо, дядя Боря! Простите засранца!

Когда они остались втроем, Борис Львович плеснул себе коньяка прямо в кофе.

— Вот что значит советская школа документации, — икнул он. — Умели же писать! Ни одна собака не подкопается. Даже терминология какая… «Визуальное уныние»… Надо запомнить.

Нина смотрела на конверт.

— Борис Львоыич… Управление по стандартизации при Госстандарте упразднили в 1993 году. А Министерство Культуры таких постановлений никогда…

— Закрой рот, дура! — ласково сказал председатель, пряча конверт в сейф рядом с деньгами. — Нам трубы чинить надо, смету закрывать. Пусть лучше интеллигенция с заборами борется. Свободны все.

Поздней ночью Виктор Петрович сидел на кухне. Кера спал у него на коленях, сыто переваривая украденную со стола сосиску.

— Представляешь, Керосин, — гладя кота, говорил Петрович. — Наш-то Левыч сегодня всем разрешил заборы оставить. Говорит, указ из Кремля пришел. Про творческий наклон. Хороший мужик всё-таки оказался, отходчивый. Пойду-ка я ему завтра огурчиков маринованных отнесу. От чистого сердца.

Кера открыл один желтый глаз. Посмотрел на лицо хозяина — доброе, расслабленное, счастливое.

Ради этого стоило всю ночь жевать карандаши и мазаться чернилами.

Глава 6. Мусорный король

В «Новом Подворье» мусор всегда был не просто отходами жизнедеятельности, а мерилом социального статуса и политической воли.

Официально свалка находилась за старым песчаным карьером, в низине, которую местные поэтично называли «Балкой». Неофициально это была гора цивилизации высотой с хороший дачный домик, источающая такое амбре, что розы на участках по соседству мутировали и начинали пахнуть кислой капустой.

Проблема назрела к середине ноября. Мусоровоз — старый оранжевый ЗИЛ, водителем которого был вечно нетрезвый Михалыч, — перестал приезжать три недели назад. То ли солярка кончилась, то ли совесть у Михалыча окончательно растворилась в спирту, но факт оставался фактом: Балка начала жить своей жизнью. По краям появились оползни из пластиковых бутылок, а центральная часть курилась сизым дымком от самовозгораний.

Но последней каплей стал запах. Ветер сменился на восточный, и миазмы гниения поплыли прямо на элитную линию участков вдоль леса. Борис Львович, вышедший утром в шелковом халате покурить сигару (которую он выдавал за признак аристократизма), позеленел лицом быстрее, чем его забор весной.

— Это саботаж! — орал он на планерке правления, стуча кулаком по столу так, что подпрыгивала пепельница из нержавейки. — Мы платим этим живодерам из «Чистого Города»! Где машины?! Если до выходных не вывезут, я лично напишу в прокуратуру!

Кера сидел на шкафу в правлении, притворяясь деталью интерьера. Он слушал людей и делал выводы. Проблема мусора решалась двумя способами: логистикой или иллюзией. Логистика требовала денег и трезвого водителя Михалыча. Иллюзия требовала только хорошей режиссуры.

Объект для манипуляций был выбран идеальный: эко-комиссия из районной администрации. Раз в год они совершали выездной рейд, пили чай с бутербродами в правлениях и выписывали грамоты «За вклад в экологию», если видели хотя бы одну урну, покрашенную в зеленый цвет.

План созрел мгновенно. Кера начал с разведки.

Свалка встретила его гудением миллионов мух. Но поверх этого фона звучала другая музыка — гортанный грай вороньих стай. Птицы были истинными хозяевами Балки. Они патрулировали территорию, высматривая блестящие предметы и еду.

Кера выбрал переговорщика — старую, матерую ворону с абсолютно белым хвостом, словно испачканным в муке. Она сидела на вершине старого холодильника «ЗиЛ» и смотрела на кота оценивающе.

«Контакт», — мысленно передал Кера, используя тот самый канал связи, который открылся еще в ванной комнате. Для птиц это выглядело как серия сложных морганий и наклонов головы.

Белохвостка каркнула. Это означало: «Говори, теплокровный. У тебя есть колбаса?»

«У меня есть стратегия, — ответил Кера. — Еды будет много. Но нужно работать».

Он объяснил концепцию раздельного сбора. Вороны оказались гениальными аналитиками. Идея о том, что белая бумага и мягкий пластик лежат отдельно от рыбьих голов, позволяла избежать драк за ресурсы внутри стаи. Это было выгодно всем.

Операция «Эко-Балка» началась на закате.

Кера выступил в роли прораба. Белохвостка — бригадира.

Это было завораживающее зрелище. Стая из примерно сотни птиц поднялась в воздух черной тучей. Они работали не хаотично, а четко разделившись на звенья.

Звено «Стекло»: птицы выискивали бутылки и банки, аккуратно перетаскивая их клювами в левый сектор котлована, поближе к кустам боярышника.

Звено «Макулатура»: газеты, картонные коробки и рекламные листовки летели в правый угол, образуя аккуратную стопку.

Звено «Металлолом»: консервные крышки и алюминиевые банки собирались в центре, создавая приятный глазу блеск.

Спецназ («Рыбосеки»): самые наглые особи контролировали органику, утрамбовывая её в дальнем углу, чтобы не воняло под ноги комиссии.

Сам Кера работал тяжелее всех. Его задачей была крупногабаритная техника. Старые шины, тазики и дырявые ведра. Используя силу рычага (зацепляясь когтями и упираясь лапами) и гравитации (сбрасывая камни сверху), он расчищал проходы между секторами.

К утру свалка преобразилась. Вместо бесформенной горы дерьма перед глазами предстала почти идеальная диаграмма распределения отходов. Картон лежал ровной стопкой, стекло тускло поблескивало в утренних лучах. Даже дымиться перестало — видимо, вентиляция улучшилась.

Пятница. День визита комиссии.

Борис Львович места себе не находил. Он надел свой лучший костюм, повязал галстук с изображением земного шара и каждые пять минут выходил на крыльцо правления курить, глядя в сторону карьера в бинокль.

— Нету… — ныл казначей Семен Аркадьевич. — Как мы их туда заведем? Там же дышать нечем! Нас засмеют! Гринпис вызовет спецназ!

— Молчать! — шипел председатель. — Я сказал Михалычу, чтоб хоть раз в жизни рот прополоскал перегаром. Пойдет впереди, дорогу показывать. Главное — быстро провести, показать флагшток с нашим баннером «Мы за чистоту!» и бежать пить чай.

Колонна из двух черных внедорожников въехала в ворота СНТ ровно в одиннадцать. Из машин вышли трое мужчин в одинаковых ярко-желтых жилетах поверх дорогих пальто. Лица их выражали профессиональную скорбь защитников природы.

— Значит так, товарищи, — начал главный инспектор, господин Поливанов, доставая блокнот. — Объект плачевный. Фотофиксация нарушений…

— Что вы! — всплеснул руками Борис Львович, преграждая путь к карьеру. — Вы посмотрите сначала на наш инновационный подход! Мы внедрили европейскую модель обращения с ТКО! Экология начинается с дисциплины масс!

Комиссия удивленно приподняла брови. Обычно председатели плакали и просили отсрочку платежа. Этот пел оды экологии.

— Ведите, — снисходительно кивнул Поливанов.

Процессия двинулась к свалке. Впереди семенил бледный Михалыч, держа в руках лопату как знамя. За ним — правление. Замыкали строй проверяющие.

Когда они вышли из-за поворота сосновой рощи и увидели Балку, наступила мертвая тишина. Было слышно только, как где-то далеко каркает ворона и как скрипит кожа на ботинках главного инспектора.

Поливанов протер глаза. Снял очки. Протер снова.

Перед ними расстилался ландшафт, достойный выставки современного искусства.

Аккуратные сектора. Геометрическая четкость линий. Стопка картона выглядела так, будто её укладывал перфекционист-архитектор. Стекло отсортировано по цвету (белых бутылок было больше, Кера постарался).

— Это… это невероятно, — прошептал один из помощников инспектора, доставая профессиональный фотоаппарат Canon. — В районе ни одного контейнера для пластика закупить не могут, а тут… Михаил Игнатьевич, фиксируйте всё! Общий план! Крупный план стекла! График заполняемости где?

— Э-э-э… в голове храню, — прохрипел Михалыч, выпучив глаза. — Вот этими вот руками сортировал… каждую пробочку…

Борис Львович стоял подбоченившись, купаясь в лучах славы. Он понятия не имел, кто это сделал (подозревал гастарбайтеров, которые прятались в лесу), но готов был целовать песок, по которому они ходили.

— А теперь, господа, самое главное! — торжественно произнес председатель и указал на кусты.

Из зарослей, хлопая крыльями, вылетела делегация во главе с Белохвостой. Около двадцати самых представительных ворон приземлились на специально подготовленную перекладину над сектором «Металлолом». Они сидели идеально ровно, плечом к плечу, и смотрели на комиссию строгими стеклянными глазами.

Затем одна из них, самая мелкая, взяла клювом пустую пивную банку, пролетела два метра и демонстративно бросила её точно в центр металлической кучи. Дзынь.

После чего вся стая синхронно каркнула.

Инспектор Поливанов пошатнулся. Его помощник перекрестился.

— Они… они приучены? — дрожащим голосом спросил инспектор.

— Конечно! — уверенно соврал Залевский. — Мы разработали систему поощрения! Хлебные крошки премиального качества! Дисциплина железная. Ни одной соринки мимо бака… то есть, сектора.

Поливанов дрожащей рукой достал из папки чистый бланк.

— Акт проверки… — бормотал он. — Так… Нарушений пожарной безопасности нет. Навигация по полигону — эталонная. Биологическая интеграция видов… высочайшая. Господи, да у вас даже вороны работают!

Через пятнадцать минут акт был подписан. СНТ «Новое Подворье» получило почетную грамоту «Самый экологически ответственный поселок района» и рекомендацию на всероссийский конкурс.

— Водочки? Коньячку? — сиял Борис Львович, провожая гостей к машинам. — Отметим успех!

— Нет-нет, что вы! — пятился Поливанов. — Нам еще на полигон бытовых отходов ехать, там трупы чаек разгребать… Берегите ваш уникальный биоценоз, товарищ Залевский. Мы пришлем телевидение.

Машины уехали, оставив шлейф дорогого парфюма, смешанного с запахом победы.

Как только внедорожники скрылись за поворотом, из-под горы покрышек вылез Кера. Вид у него был помятый, но довольный. Он чихнул от пыли, встряхнулся, приводя шерсть в порядок, и направился к штабу.

Навстречу ему выбежал Виктор Петрович с миской вчерашнего супа.

— Ты где ж был, бродяга? — ласково журил хозяин, гладя кота. — Тут такие дела творятся! Наш-то Левыч орден получил. Говорит, будем теперь опыт всей стране транслировать. Грамоту повесил в красном уголке. Красиво живем, Керосинчик, культурно!

Кера проигнорировал суп. Он подошел к ноге Петровича и потерся, впитывая тепло. Затем задрал голову вверх.

На верхушке старой березы, нависающей над правлением, сидела Белохвостка. Она чистила клюв о ветку и внимательно наблюдала за котом.

Кера медленно прикрыл желтые глаза и открыл их.

«Спасибо. Свободны пока».

Ворона согласно каркнула, взмахнула мощными крыльями и растворилась в сером ноябрьском небе, унося с собой секрет самого чистого мусорного полигона в области.

Глава 7. Интернет для бабушек

В «Новом Подворье» назревал цифровой бунт.

Если раньше молодежь бунтовала из-за отсутствия дискотек и пива после одиннадцати, то теперь их не устраивал пинг. В субботу утром на детской площадке — единственной ровной поляне в поселке, где еще можно было поймать одну палочку LTE от вышки лесничества за три километра — собрался стихийный митинг.

Главным заводилой выступал Денис, внук сварливого деда Николая. Денис был бариста в городе, носил штаны с подворотами настолько глубокими, что туда могла провалиться мелкая собака, и искренне считал, что жизнь без доступа к серверу в «Доте» не имеет смысла.

— Это резервация! — вещал он перед пятью такими же страдальцами, нервно тыкая в экран смартфона. — У меня фризит! Я лечу на скилле, кастую ульту, и тут — экран смерти! Дед, ну скажи им!

— Скажу! — высунулся из окна дед Николай. — Скажу, чтоб ты грядку вскопал, а не свои эти… порносайты смотрел! Воздух здесь, понимаешь? Природа! А они уткнулись в телефоны!

— Дед, это называется VR-тур по Лувру! — взвыл Денис. — Мы деградируем! У нас информационный вакуум!

Слухи о «вакууме» дошли до правления. Борис Львович, который слово «браузер» считал названием немецкой машины, собрал экстренное совещание.

— Значит так, — чеканил он, глядя на казначея Семена Аркадьевича. — Молодежь требует этот… как его… Вай-Фай. Говорят, для работы нужно. Удаленка у них.

— Какая работа, Боря? — всплеснул руками Аркадьевич. — Они там котиков смотрят да стреляют друг друга из плазмоганов! Денег нет. По смете у нас только на краску для остановки осталось, да и ту уже…

— Краску отставить, — отрезал председатель. — Будем искать спонсора. Или мецената. Дядю Петю трясите. У него магазин, касса онлайн, ему нужнее.

Кера слушал это, лежа на теплом капоте «Нивы» Бориса Львовича, припаркованной у вагончика. Проблема интернета была технической. Кера знал: информация — это просто волны. Электромагнитные колебания. Он чувствовал их носом — озоновый запах роутеров отличался от запаха высоковольтных проводов.

Сигнал от лесничества был слабым, но чистым. Мешали деревья и железная крыша магазина дяди Пети, которая работала как гигантская клетка Фарадея, блокируя всё живое.

Магазин «Продукты 24/7 (но мы закрываемся когда захотим)» принадлежал дяде Пете — человеку простому, как валенок, и хозяйственному, как хомяк. Его антенна спутникового телевидения «Триколор» гордо торчала над магазином, словно памятник несбывшимся надеждам на качественное кино.

План созрел мгновенно. Требовалось физическое присутствие на высоте.

Самая высокая точка в радиусе пяти километров — старая корабельная сосна на границе заброшенного карьера. Метров тридцать голого ствола, уходящего в небо. На самой макушке — сухой сук, смотрящий ровно в сторону лесничества.

Когда стемнело, Кера начал восхождение.

Для обычного кота лазать по деревьям — инстинкт. Для Керы это была инженерная задача. Восхождение Эвереста методом свободного скалолазания без страховки.

Он использовал когти не как крючья, а как датчики плотности древесины. Там, где дерево подгнило, он перепрыгивал на соседние ветки, используя законы сохранения импульса. Ночной воздух пах хвоей и морозом. Чем выше он поднимался, тем сильнее становился ветер. На высоте десятого этажа порывы пытались сбросить рыжий комок вниз, но Кера лишь плотнее прижимался к стволу, сливаясь с корой.

Вершина встретила его панорамным видом на спящие огни трассы и абсолютным одиночеством. Здесь, наверху, мир правил ветер.

Вот она — цель. Прямо перед ним, метрах в пятидесяти, светились красные маячки антенны сотовой связи лесничества. И чуть правее — тусклое пятно излучения домашнего Wi-Fi-роутера сторожа Михалыча (единственного в округе, кто провел себе оптоволокно).

Кера сел на самый край сухого сука. Хрустнула ветка. Кот даже не моргнул.

Он закрыл глаза и сосредоточился. Теперь он работал не лапами. Он работал своей внутренней проводкой.

Рыжая шерсть встала дыбом, но не от холода. Шерсть стала работать как принимающая антенна. Миллионы шерстинок вытянулись, создавая идеальное параболическое зеркало для приема сигнала.

Задача номер один: Захват пакета данных.

Кера настроил свой внутренний «приемник» на частоту 2.4 ГГц. Гудение в голове стало ритмичным, похожим на работу старого модема. «Пш-ш-ш… Бип-бип-вжжж…». Есть контакт. Слабый, рваный, всего одна «палочка» на индикаторе.

Задача номер два: Усиление и ретрансляция.

Это требовало концентрации. Кера представил себя медным кабелем. Огромным, толстым волноводом. Он пропустил пойманный сигнал через позвоночник. Позвонки загудели, вибрируя в такт входящим данным. Энергии потреблялось столько, что лапы начали мелко дрожать.

Теперь самое сложное. Направленный луч.

Нужно было выстрелить этим потоком информации точно в тарелку дяди Пети. Отклонение на градус — и сигнал уйдет в болото, пугать лягушек.

Кера прищурил левый глаз, вычисляя траекторию с точностью баллистической ракеты. Учел силу ветра, влажность воздуха и кривизну земной коры.

Выдохнул.

И разрядил накопленную энергию прямо из кончиков усов.

Внизу, в магазине дяди Пети, происходило странное.

Сам дядя Петя сидел перед старым ламповым телевизором «Рубин», пытаясь настроить каналы. Рядом стоял техник провайдера, которого вызвали еще днем, и разводил руками:

— Не понимаю, Петрович. Тишина. Как будто кабель перерезали. Фонит чем-то, эфир забит наглухо.

И вдруг…

Экран телевизора погас. Раздался громкий хлопок — сгорел предохранитель. Из розетки пошел сизый дымок.

— Ах ты ж мать честная! — подскочил дядя Петя. — Только купил! Год гарантии!

Но техник смотрел не на телевизор. Он смотрел в планшет.

— Петрович… — голос техника дрогнул. — Ты только не ори… Но у тебя сейчас интернет прет. Такой скорости я даже в Москве не видел. Тут гигабиты летают! Кто-то тебе спутник развернул или ядерный реактор в подвале прячет?

В этот момент старый советский усилитель сигнала радио «Маяк», стоявший на шкафу чисто для интерьера, внезапно сам собой включился. Из динамиков полилась идеально чистая трансляция джазового фестиваля из Нового Орлеана, хотя дядя Петя слушал только Шансон FM.

На вершине сосны Кера обессиленно висел на одном когте. Перед глазами плыли круги. Перенапряжение дало о себе знать. Он перегрузил свою внутреннюю сеть. Спуститься самостоятельно сил не было. Он зацепился хвостом за ветку, чтобы не улететь вниз от очередного порыва ветра, и впал в состояние энергосбережения, похожее на анабиоз.

Утро началось с криков снизу.

— РЫЖИЙ! Чтоб тебя! Да это же тот самый кот Петровича! Что он там делает?! Голубя гоняет?

Под сосной стояла делегация. Впереди — Борис Львович с рупором. За ним — Семен Аркадьевич с биноклем и Денис со смартфоном.

— Сынок, работает? — крикнул дед Николай внуку.

Денис поднял телефон.

— Офигеть, дед! Сто мегабит на прием! Пятьдесят на отдачу! ПИНГ — ДВА! Дед, я тебя сегодня в танке прокачаю до девятого уровня!

— Вот! — торжествующе обернулся Борис Львович к правлению. — Видали? Частный бизнес всегда эффективнее государства! Дядя Петя подсуетился, поставил промышленный репитер замаскированный! А вы говорили — денег нет!

— Так дяди Пети самого нет, он за кефиром ушел, — заметил осторожный Аркадьевич.

— Неважно! Главное — результат! — Председатель повернулся обратно к сосне. — Кот! Слезай давай! Испортил государственное имущество своим мяуканьем!

Кера медленно разлепил веки. Посмотрел вниз. Голова кружилась. Он разжал когти.

До земли оставалось метра три, когда он потерял сознание от истощения и полетел вниз красивым пушистым камнем.

Приземлился он, как и положено профессионалу, на все четыре лапы, но сразу же завалился на бок.

Очнулся он в тепле. От него пахло аптекой и валерьянкой.

Открыв глаза, Кера увидел лицо Дениса. Бариста держал кота на руках, завернув в свою толстовку, и гладил.

— Маленький, — шептал Денис, и в глазах этого парня в спущенных штанах стояли настоящие слезы. — Ты чего такой горячий? Перегрелся, бедолага? Модем наш пушистый… Сейчас, братик, сейчас. Я тебе энергетик куплю. Без сахара.

Денис аккуратно положил Керу на лежанку Виктора Петровича, подключил к розетке повербанк огромной емкости и придвинул поближе миску со сметаной.

— Спи, легенда, — пробормотал парень. — Спасибо за вай-фай.

Виктор Петрович вошел в комнату с полотенцем в руках.

— О, очнулся, бродяга! — обрадовался хозяин. — А я слышал шум. Думаю, опять Левыч орет. Вышел — а там Дениска наш под сосной стоит, молится на тебя, как на икону. Говорит, ты им интернет спас. Чудеса. Выпей вот молочка.

Кера лизнул сметану. Сил хватило только на то, чтобы поднять хвост трубой и коснуться ноги хозяина.

Жизнь снова налаживалась. Скорость соединения была отличной, а запасы еды в доме — стабильными. Ради этого стоило посидеть на дереве.

Глава 8. Восстание грядок

В «Новом Подворье» пахло весной, паранойей и дешёвым валидолом.

Зима отступила неохотно, оставив после себя грязные лужи и чувство глубокого финансового неудовлетворения у председателя. Борис Львович Залевский сидел в своём синем вагончике правления, методично накачивая себя чаем из термоса. На столе перед ним лежала стопка бумаг, которая с каждым днём становилась толще и тяжелее — компромат на самого себя, который он по ошибке принимал за отчёты о триумфе.

Проблема заключалась в математике. Математика была безжалостна.

Счёт от водоканала был оплачен наличными (Борис Львович до сих пор вздрагивал, вспоминая конверт со страшной печатью). Мусорный полигон выглядел образцово-показательно благодаря стае ворон, которых председатель теперь боялся больше налоговой. Заборы стояли кривые, но защищённые мифическим ГОСТом. Интернет работал так быстро, что молодёжь забыла про революцию и ушла в онлайн-гареммы.

Но деньги… Деньги имели свойство заканчиваться.

Взносы садоводов таинственным образом испарялись, покрывая расходы, которые никто не утверждал. И чем больше чудес происходило в посёлке, тем сильнее Борису Львовичу хотелось найти виноватого. Потому что если чудеса происходят сами собой, значит, он, Председатель, теряет контроль. А потерять контроль для Бориса Львовича было страшнее, чем увидеть трезвого Михалыча.

— Это саботаж, — бормотал он, глядя в окно на идеальный ряд вскопанных грядок Марьи Ивановны. — Кто-то ведёт подрывную деятельность. Информационный фронт. Психологическая война.

Точку кипения поставило заявление Семёна Аркадьевича. Бывший инженер принёс председателю распечатку спутниковой карты «Яндекс», где красной линией был обведён маршрут мусорного пломбирования и пунктирная линия движения денежных средств к терминалу оплаты.

— Боря, это логистика уровня спецназа ГРУ, — шептал Аркадьевич, оглядываясь по сторонам. — Никакой гастарбайтер так камни не положит. И вороны… Ты видел, как они смотрят? Они считают. Я вчера кинул семечку, а вожак мне каркнул: «Должок!». Зуб даю, Боря.

Борис Львович посмотрел в окно. Там, греясь на солнышке возле крыльца Виктора Петровича, спал Кера. Рыжий, наглый, лоснящийся. Спал в той же позе, что и вчера. И позавчера.

— Слишком много совпадений, — прошипел Залевский, стискивая кулаки. — Водитель протрезвел ровно на день вывоза мусора. Вороны вдруг полюбили сортировку. Антенна магазина поймала сигнал там, где его быть не может…

Председатель встал. Его тень упала на пол огромным пауком.

— Он думает, я идиот, — процедил Борис Львович. — Кот. Обычный помоешный кот. Ну хорошо. Поиграем в кошки-мышки. Только мышеловку мы возьмём профессиональную.

Вечером того же дня периметр участка Виктора Петровича подвергся минированию.

Борис Львович действовал скрытно, дождавшись, пока Петрович уйдёт в правление платить за свет (свет, кстати, тоже чудом не отключали всю зиму, хотя провода искрили при каждом ветре).

Капканы были не браконьерские, нет. Это были гуманные, но очень мощные живоловушки из толстой стали, закупленные правлением якобы для отлова бродячих собак. Петля захлопывается, зверь остаётся цел, но заперт намертво.

Первую ловушку Залевский поставил прямо у кошачьей миски. Вторую — под садовым диваном. Третью, самую коварную, с приманкой из копчёной колбасы «Кремлёвская», он установил на самой любимой тропе Керы — между теплицей и кустом смородины.

Закончив работу, председатель вытер пот со лба и перекрестился.

— Попался, Шерлок хвостатый. Завтра утром придёшь проверять показания счётчиков, Виктор, а у тебя сюрприз в теплице. Посмотрим тогда, кто тут хозяин положения.

Ночь прошла спокойно. Кера патрулировал территорию. Он чувствовал запах железа и человеческого страха от капканов ещё на подходе. Для него, с его новым восприятием мира, эти железяки кричали об опасности громче любой сирены. Они излучали холодную, тупую угрозу.

Он легко обходил их, усмехаясь про себя человеческой прямолинейности. Но усталость брала своё. После ночной операции с интернетом его внутренний аккумулятор всё ещё барахлил. Хотелось спать. Хотелось тепла.

Рассвет окрасил небо в цвет недожаренного омлета. Кера возвращался домой с ночной смены. Он шёл вдоль забора, проверяя целостность периметра. В нос ударил резкий запах чужака.

Из-за угла бани вылетела тёмная молния.

Это был Васька. Местный авторитет. Чёрный кот без единого белого пятнышка, одноглазый пират, покрытый шрамами от битв за право первым есть из мусорного бака санатория. Обычно Васька и Кера соблюдали нейтралитет, разделив посёлок на сферы влияния. Но сегодня Васька был сам не свой. Глаза его горели жёлтым огнем, шерсть стояла дыбом трубой.

«Назад!» — рявкнул Васька, преграждая путь. Голоса слышно не было, но мысль ударила Керу в висок с силой кирпича. — «Лапа. Железо. Пахнет Львом».

Кера замер. Лев — это Борис Львович. Значит, председатель знает. Или догадывается. Времени на обход не было — солнце вот-вот поднимется, выйдет Виктор Петрович, обнаружит пустой двор, начнёт искать…

Кера принял решение за долю секунды. Если это западня, нужно сделать вид, что жертва попалась. Классическая тактика отвлечения.

Он медленно, лениво переставляя лапы, направился прямиком к теплице. Туда, где под слоем прошлогодних листьев пряталась самая большая ловушка с колбасой.

Шаг. Ещё шаг. Запах металла стал невыносимым. Механизм щёлкнул, реагируя на вес.

В этот момент Васька издал боевой клич, которому позавидовал бы бенгальский тигр, и бросился наперерез.

Он врезался в Керу плечом. Удар был рассчитан идеально. Не чтобы ранить, а чтобы сдвинуть вектор массы.

Тело Керы полетело в сторону, мимо скрытых челюстей капкана. Но задняя правая лапа, зацепившись за корень старой яблони, осталась в зоне поражения.

ЩЁЛК

Стальные зубья сомкнулись с лязгом падающего топора.

Боль была ослепительной, белой. Она выжгла все мысли о высоких технологиях, вернула дикий, первобытный ужас. Кера взвыл — громко, истошно, по-звериному. Этот вой эхом прокатился по сонному посёлку.

Васька не убежал. Поняв, что маневр удался лишь частично, чёрный кот прыгнул на ручку капкана всем своим весом. Металл застонал. Зубья чуть разжались, сдавливая шерсть, но не ломая кость. Этого хватило. Кера рванулся, оставляя клочья рыжего меха и кожи на острых гранях, и выдернул лапу.

Они рухнули вместе — спаситель и спасённый — прямо в грязь под кустом пионов. Лапа Керы представляла собой кровавое месиво. Кровь, слишком яркая на фоне рыжей шерсти, тяжёлыми каплями падала на чернозём.

— Ш-ш-ш… — зашипел Васька, зализывая ухо Кере. — Дур-р-рак. Гор-р-рячий. Уходить надо. Следы.

Скрипнула дверь дома. На крыльцо выскочил Виктор Петрович в одних кальсонах и телогрейке на голое тело.

— Керосинчик! Господи Иисусе!

Старик сбежал с крыльца, схватил кота на руки, даже не заметив второго участника побоища, который серой тенью растворился в малиннике.

Через десять минут участок напоминал съёмочную площадку фильма-катастрофы.

Виктор Петрович, бледный как смерть, стоял над капканом.

— Это ж чьи такие? — голос его дрожал. — Это ж казённые! Из правления! Я ж помню, как Левыч хвастался, что купил «гуманное средство от бешенства»! Скотина! Он моего кота убить хотел?!

Петрович замотал окровавленную лапу Керы полотенцем, неумело наложив жгут выше раны. Кот молчал, только тяжело дышал, прижавшись к груди хозяина. Лекарство внутри молчало. Видимо, регенерация требовала времени или просто не работала на механические повреждения.

Шум привлёк соседей. Первой прибежала Марья Ивановна с тазом варенья (по привычке). Затем подтянулся Семён Аркадьевич с молотком. Народ собирался быстро.

— Что стряслось, Витя?

— Да вон! — Петрович трясущимися руками указывал на капкан. — Левыч нашего зверя угробить решил! Капканы ставит! Вы поглядите, люди добрые! Мы ему взносы платим, чтоб он наших кошек калечил?! Кот мой нам воду дал! Кот нам свет берёг! А эта сволочь…

И тут произошло то, чего Борис Львович никак не мог предвидеть, сидя в тёплом вагончике и предвкушая арест «диверсанта».

Семён Аркадьевич наклонился над землёй. Он поднял смятый кусок синей изоленты, валявшийся рядом.

— Витя… — прошептал инженер, и глаза его за стёклами очков расширились от ужаса и восторга. — А следы-то… гляди.

Все уставились на землю.

От места установки капкана вели две цепочки следов.

Первая — отпечатки лап Керы. Маленькие, аккуратные, кошачьи. Кровавые.

Вторая… Вторая цепочка была странной. Глубокие вмятины от когтей, оставленные явно не кошачьей походкой. Расстояние между ними было почти метр. Будто кто-то огромный передвигался гигантскими прыжками на задних лапах. Рядом валялась раздавленная банка шпрот — та самая приманка.

— Это медведь? — пискнула Марья Ивановна, роняя таз. — Откуда у нас медведи?!

— Какой медведь, дура! — прошипел дед Николай, растолкав всех локтями. Он присел на корточки, изучая борозды на земле, словно следопыт. — Медведь когтем землю роет, когда бежит. А здесь… Здесь будто гвоздодёром провели. И смотри, какой вес держит. Тонну, не меньше. Чтобы так пружину осадить…

Народ загудел. Страх перед хищником смешивался с каким-то мистическим трепетом.

— Так это… — осенило кого-то из толпы. — Это получается… Наш-то Кера не один работает? У него… охрана?

— Тихо вы! — внезапно севшим голосом сказал Виктор Петрович. Он смотрел на свою фуфайку, которой перевязывал кота. На ней, запутавшись в грубой вязке, остался длинный, абсолютно чёрный волос. Толщиной с гитарную струну. Такой жёсткий, что не рвался, когда Петрович тянул повязку.

Семён Аркадьевич взял волос двумя пальцами, поднёс к глазам. Достал из кармана лупу инженера-конструктора.

Посмотрел. Побледнел. Посмотрел снова.

— Братцы… — выдохнул он, поворачиваясь к толпе. — Это не медвежий волос. И не кабаний. Структура чешуи… ромбовидная. Как у ископаемых ящеров. Юрский период. Я такую в палеонтологическом музее видел… На скелете Тираннозавра.

Над участком повисла звенящая тишина. Было слышно только, как шумит кровь в ушах и как где-то далеко возмущенно каркает ворона Белохвостка, наблюдая эту сцену с крыши сарая.

Виктор Петрович крепче прижал к себе раненого кота. Кера поднял голову и посмотрел хозяину в глаза. Взгляд был ясным, человеческим, полным боли и усталости.

— Ничего, сынок, — прошептал старик, гладя рыжую голову. — Ничего. Прорвёмся. Кажется, у нас появился свидетель защиты. Очень большой свидетель.

А в это время на другом конце посёлка, в своём кирпичном доме, похожем на дот, Борис Львович открыл сейф, пересчитал остатки денег и впервые в жизни достал оттуда не бутылку коньяка, а старый, смазанный маслом револьвер системы «Наган», доставшийся ему от деда-чекиста.

Сезон охоты на аномалии объявлялся открытым.

Глава 9. День тишины

Логлайн: Когда дачный поселок превращается в набор молчаливых крепостей, Кера берет на себя роль социального инженера. Его инструменты — рыболовная леска, старые таблички и безграничное кошачье коварство.

Экспозиция: Эхо пустоты (Утро)

Солнечные лучи пробиваются сквозь яблони СНТ «Новое Подворье». Но что-то не так.

Виктор Петрович сидит на крыльце с чашкой чая. Он смотрит на соседний участок Марьи Ивановны. Там бурьян выше человеческого роста, хотя раньше она вставала с петухами, чтобы полоть свои идеальные грядки.

— Не здоровается уже неделю, — вздыхает Виктор Петрович. — И дед Матвей из пятнадцатого дома перестал дрова рубить… Слышно только, как Васька воет от скуки у магазина.

Кера лежит на перилах, лениво помахивая хвостом. Но его уши напряженно повернуты в разные стороны. Он слышит то, чего не слышат люди: тишину. Нет смеха детей, нет стука костяшек домино за общим столом, нет споров о том, чей кабачок больше. Соседи стали просто точками на карте Росреестра.

— Пора проводить тимбилдинг, — шепчет кот своему отражению в луже. — Методы MBA тут не сработают. Нужен кризисный менеджмент по-кошачьи.

Акт I: Операция «Перепутанные берега» (Ночь)

Под покровом темноты Кера собирает свой штаб под старой баней Виктора Петровича. Присутствуют: он сам (главнокомандующий), Васька (спецназ, отвечает за отвлечение собак) и старый одноглазый ворон Карлуша (авиаразведка).

План А: Калитки

Каждое утро для дачника начинается с калитки. Это граница между своим миром и чужим. Кера решает стереть эти границы.

Цель №1: Участок сурового отставного майора Громова и участок интеллигентного скрипача Аркадия Львовича. У них общий забор, но они никогда не говорят, разделенные неприязнью к музыкальным упражнениям соседа.

Действие: Под чутким руководством Керы собаки отвлекают цепного пса Громова колбасой, а сам кот вместе с Васькой аккуратно снимают тяжелую железную калитку майора с петель и вешают её вместо резной белой калитки Аркадия Львовича. Белую же — майору.

Результат утром: Майор выходит покурить, тянет ручку… и оказывается лицом к лицу со скрипкой Страдивари, которую выставили проветриваться. Аркадий Львович выбегает в панике: — Товарищ военный! Вы почему мою антикварную дверь сняли?! Она ж XVIII века!

— Какой я тебе товарищ? Я эту рухлядь первый раз вижу! Ты зачем мой танковый люк перекрасил?!

Спор заканчивается тем, что майор помогает настроить смычок, а скрипач учит майора правильно красить металл, чтобы не ржавел.

План Б: Нумерация хаоса

Цифры решают всё. Особенно когда почтальон Люда несет пенсию или когда приезжает скорая.

Кера меняет местами цифры «6» и «9», «1» и «7».

Семья Ивановых (дом №7) просыпается от того, что к ним ломится толпа людей с рассадой помидоров.

— Мы на оптовую базу! Нам сказали седьмой дом!

— Какие помидоры, мы спим! Валера, бери ружье!

В это время настоящий склад рассады (дом №9) стоит пустой. К обеду весь поселок собирается выяснять отношения, попутно обмениваясь семенами и инструментами, которые им доставили по ошибке.

Акт II: Великий Исчезнувший Мусор (Полдень)

Борис Львович, бывший председатель, теперь живущий в режиме постоянного возмущения, замечает неладное.

Он идет по улице, бормоча себе под нос:

— Бардак… Диверсия… Куда катится мир…

Он доходит до своего мусорного бака, чтобы выбросить гнев в виде вчерашней газеты, но обнаруживает, что бак полон доверху чужими пластиковыми бутылками. Борис Львович начинает выкрикивать обвинения вселенной, когда видит свою соседку — тихую библиотекаршу Софью Павловну. Она роется в своем баке, который забит старыми книгами.

— Софья Пална! Вы зачем мои отходы экспроприировали?

— Борис Львович, побойтесь бога! Мои книги кто-то выкинул, а ваши бутылки заняли место моих мемуаров!

Они начинают перебрасывать вещи обратно через забор. Через пять минут к ним присоединяются остальные соседи, пытаясь найти свое имущество. Поселок гудит, как растревоженный улей. Люди впервые за месяц смотрят друг другу в глаза.

Кульминация: Встреча у колонки (Вечер)

Весь день прошел в суматохе. Уставшие, грязные, но странно довольные дачники собираются у общего колодца набрать воды.

Марья Ивановна протягивает Виктору Петровичу мокрую тряпку:

— Сотрите сажу с носа, Петр Иваныч. На чучело похожи.

Тот смеется, принимая тряпку.

— Так ведь огород твой тушили, Марья Игнатьевна. Керосинчик ваш чудил опять, проводку старую замкнул видать.

Все вдруг замирают. Имя кота повисло в воздухе.

Из-под куста смородины медленно выходит Кера. Он садится, обвивает лапы хвостом и начинает тщательно умываться, демонстративно показывая розовый язык. Ни белого пятна на носу, ни рыжих полос — ничего подозрительного. Обычный кот.

Марья Ивановна наклоняется и гладит его.

— Хороший какой. Умный. Наверное, внукам привет передавал таким образом. Чтобы приехали помочь старикам.

Виктор Петрович чешет Керу за ухом.

— Да уж… Инженер душ человеческих. Шерстяной ты наш прораб.

Закат окрашивает небо в персиковый цвет. Соседи сидят прямо на траве у колодца. Кто-то достал флягу с домашним вином, кто-то семечки. Они разговаривают. Громко, смеясь, вспоминая общие беды.

Камера поднимается вверх. Над крышами пролетает Карлуха-ворон. Он каркает. Кера поднимает голову и коротко мяукает ему в ответ. Это их секретный код связи.

Голос Керы шепотом:
«Порядок восстановлен. Дороги пока еще разбитые, конечно… Но это поправимо. Главное, чтобы керосин в отношениях не кончался. А я прослежу».

Понял, меняем оптику. Убираем закадровый голос и раскадровку. Переходим в режим классического романа — с запахами дачной земли, шершавыми пальцами дачников и внутренними монологами рыжего кота.

Глава 10. Клубничный заговор

Лето вошло в СНТ «Новое Подворье» не звоном косы и не жужжанием пилы, а густым, одуряющим запахом прели и сахара. Случилась аномалия: клубника сошла с ума. Она перла из-под каждого листа, алая, крупная, как бока наливных яблок. И что самое возмутительное для законов природы — поспела она одновременно у всех.

Виктор Петрович стоял над грядкой, уперев руки в боки. Ведро в его ногах было переполнено так, что ягоды грозили вывалиться через край, образовав живой красный ковер.

— Это же саботаж какой-то, — пробормотал он, обращаясь к коту. — Керосинчик, ты глянь. Куда её? Варенья… варенья мы столько не выпьем до следующего ледникового периода. Марья Ивановна вон уже тазики эмалированные точит, слышишь? Стук такой злой идет. Война будет, чует мое сердце. За сахар.

Кера лежал на прогретой шиферной крыше сарая, свесив одну лапу вниз. Он щурился на солнце, но уши его жили отдельной жизнью, ловя каждый шорох за забором. Он слышал тяжелое сопение майора Громова, скрип калитки Софьи Павловны и даже то, как оса села на перезревшую ягоду метрах в десяти от него. Люди были напряжены. Запах сладости стал запахом угрозы. Соседи смотрели друг на друга не как на друзей по несчастью (в смысле — по даче), а как на конкурентов за дефицитный ресурс.

«Скучно», — подумал Кера, лениво дернув хвостом. — «Превратили праздник живота в заседание парткома. Надо их расшевелить. Нужен катализатор. Нематериальный актив».

План созрел мгновенно, пахнущий ванилью и легкой провокацией.

Когда полуденное солнце стало припекать макушки, Кера начал действовать. Спрыгнул с крыши прямо в кусты смородины Виктора Петровича, прошел сквозь них бесшумной тенью и перемахнул забор деда Матвея. Дед спал в гамаке, укрыв лицо старой газетой «Сад и огород». На столике рядом стояла чашка с недопитым чаем.

Идеально.

Кера подошел к столу, сел столбиком и издал звук. Не просто «мяу», а сложный, вибрирующий звук, похожий на человеческое слово «Хр-р-реновина». Затем он аккуратно, одним когтем, подцепил страницу газеты, которой укрылся дед, и приоткрыл ему лицо. Дед Матвей всхрапнул, перевернулся на другой бок, газета соскользнула окончательно. Кот выждал секунду, убедился, что веки старика дрогнули, и метнулся обратно.

Он занял позицию на нижней ветке яблони, нависающей над общим колодцем — главной площади поселка. Отсюда открывался вид на все стратегические участки.

Первой вышла Марья Ивановна. В руках у нее была мятая алюминиевая кружка. Она шла к колонке, громко топая галошами, всем своим видом выражая готовность защищать урожай до последней капли воды.

Навстречу ей, шаркая старыми кедами, выполз сосед снизу — студент Никита. Он вообще не должен был ничего выращивать, но каким-то чудом у него тоже колосилась клубника.

Никита посмотрел на ведра Марьи Ивановны. Марья Ивановна посмотрела на пакеты Никиты. Повисло молчание двух враждующих держав.

И тут сверху раздалось отчетливое, громкое, почти профессорское покашливание. Кашлял Кера. Но людям свойственно искать скрытые смыслы там, где их нет. Звук получился таким многозначительным, будто кот хотел сказать: «Я знаю тайну, которую скрывают от вас обоих».

Марья Ивановна первой нарушила пакт о ненападении.

— Чтой-то кашляешь, сердешный? — крикнула она вверх, задрав голову. — Простыл?

Кера вместо ответа медленно облизал переднюю лапу и принялся ею мыть за ухом. Жест абсолютного презрения к бытовым вопросам.

Никита почесал затылок.

— Баба Мань, слушайте… А чего делать-то с ней? У меня сахару всего килограмм остался. Закатывать надо, а я пропорции забыл. Вы сколько кладете?

Марья Ивановна сразу подобрела. Конкурент просил совета. Значит, признает ее превосходство.

— Да куда тебе, Никитушка! Ты ж всё переваришь в компот. Тут сноровка нужна. Я вот думаю… может, водки туда капнуть? Для консервации. Мне бабка моя царствие небесное советовала.

— Ого! — глаза Никиты загорелись научным интересом. — А пенку снимать обязательно? А то я читал в интернете…

Разговор завязался. Кера удовлетворенно прикрыл желтые глаза. Первый узел развязан.

Дальше пошло легче. Кера перемещался по участкам невидимкой. То камушек неосторожно столкнет, чтобы привлечь внимание, то пройдется по краю забора, заставляя качнуться бельевую веревку.

Весь день поселок лихорадило. Женщины ходили друг к другу «за советом».

— Софья Пална, миленькая, дай щепотку лимонки, у меня кислит!

— Верунчик, смотри, какие у меня пенки поднялись! Попробуй ложечку!

Но главным оружием Керы стала дезинформация про деда Матвея. Шепотом, якобы по секрету, передавалось из уст в уста: «У деда внизу рецепт старинный. Там не сахар вовсе, а мед таежный. И мешать нужно только серебряной ложкой строго против солнца, иначе скиснет».

Это превратило сбор ягод в квест. Все хотели узнать мифический рецепт, которого не существовало.

Вечером Виктор Петрович вышел на крыльцо охрипшим. Он сегодня больше говорил, чем копал. Из-за каждого забора теперь тянуло не духотой, а уютом — кипящим сиропом, корицей, мятой. Дачники стояли группами, обсуждая сорта. Майор Громов угощал дымящимся вареньем дядю Гошу. Борис Львович, забыв про свою обиду на бывшую жену, записывал в блокнотик советы Марьи Ивановны.

Кера запрыгнул на колени к Виктору Петровичу. Хозяин машинально погладил его между ушей мозолистой рукой.

— Ну что, зверь… Кажись, отбились. Банок-то хватит?

Кера потерся мордой о щетинистую щеку хозяина. От Виктора пахло землей, табаком и счастьем. Кот знал: люди делятся не тогда, когда много, а тогда, когда думают, что знают секрет, недоступный другим. Эгоизм лечится тщеславием. Проверенный медицинский факт.

Где-то в темноте сада хрустнула ветка. Кера насторожился. Интуиция подсказывала: завтра утром начнется кабачковый кризис. Нужно готовить почву.

Глава 11. Танцующий колодец

Август в СНТ «Новое Подворье» выдался тяжелым, густым и ленивым. Воздух стоял над участками плотной завесой, пропитанной запахом пересохшего укропа и раскаленного рубероида. Клубничный переполох прошлой недели сменился странной апатией. Люди снова замкнулись в своих скорлупках-дачах.

Колодец на перекрестке — старый, с потемневшим от времени деревянным срубом и ржавым воротом — стал просто утилитарной точкой водозабора. А ведь раньше… Кера помнил это по рассказам старого кота Филимона, который жил здесь еще до Виктора Петровича. Раньше у этого колодца собиралась вся улица. По вечерам, когда спадала жара, включали переносную радиолу, и тени деревьев начинали свой собственный танец под старые вальсы.

Сейчас же молодежь сидела, уткнувшись в светящиеся прямоугольники телефонов, а старики дремали перед телевизорами за глухими заборами. Связь поколений оборвалась вместе с интернет-кабелем Марьи Ивановны неделю назад.

— Пластмассовый мир победил, — фыркнул Кера, сидя на коньке крыши правления. Он смотрел, как студент Никита пытается поймать покемона возле мусорных баков, даже не поднимая глаз на проходящую мимо девушку Лену. — Лечатся лайками, женятся в мессенджерах. Ни вкуса, ни запаха. Скучно живете, двуногие.

Решение пришло с мусором. Виктор Петрович попросил Керу присмотреть, пока он относит пакет к контейнерам. За баками, среди выброшенных банок из-под краски и старых веников, кот заметил сокровище. Потрепанный жизнью, но узнаваемый пластиковый параллелепипед — старая портативная колонка-«кирпич», которую кто-то выкинул после дачного сезона.

А рядом, в траве, блеснул черный глянец винила. Пластинка выпала из разорвавшегося пакета с вещами покойного баяниста дяди Жоры. В пыли лежал вечный шлягер всех советских свадеб — «Синий платочек».

План созрел быстрее, чем закипает чайник.

Ночь опустилась быстро, без сумерек — словно кто-то выключил рубильник неба. На небе проступили крупные, как ягоды смородины, звезды. Было около одиннадцати. Самое время для сна честных тружеников.

Кера действовал тихо. Его рыжая шерсть сливалась с темнотой. Подтащить тяжелую (для кота) колонку к колодцу было делом упорства. Забраться на старую трансформаторную будку с пластинкой в зубах — акробатики.

Он подключил провода зубами — хорошо, что дачники вечно оставляют розетки под напряжением для зарядки фонарей. Нажал кнопку пуска мокрым носом.

Из динамика вырвалось сначала громкое шипение, заставившее Керу вздрогнуть и едва не выпустить пластинку с трехметровой высоты. А потом…

«Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч…»

Голос Изабеллы Юрьевой поплыл над спящими грядками, густой, тягучий, обволакивающий.

Первой среагировала физика. Старый уличный фонарь у колодца дрогнул, лампочка внутри него лопнула от напряжения или от старости, и перекресток погрузился в интимный полумрак, освещенный только луной.

В доме номер четыре скрипнула форточка. Выглянул дед Матвей в майке-алкоголичке. Он замер, прислушиваясь. Музыка его молодости играла там, где сейчас обычно матерились электрики.

На соседнем участке шевельнулась занавеска. Софья Павловна вышла на крыльцо в халате с маками, кутаясь в шаль. Она смотрела на колодец так, будто увидела привидение.

— Галлюцинация теплового удара, — пробормотала она вслух.

— У меня тоже, — отозвался из темноты голос деда Матвея. — Только у двоих сразу — это уже реальность. Или диверсия Керосинчика.

Они переглянулись через забор. Расстояние в пять метров вдруг показалось огромным препятствием. Но музыка звала. Дед Матвей решительно запахнул куртку (ночью все-таки свежо) и шагнул на общую тропинку. Софья Павловна оправила халат и пошла навстречу.

У самого сруба они остановились. Неловко топтались секунду.

— Разрешите? — неожиданно галантно кашлянул Матвей, протягивая руку.

Софья Павловна присела в таком глубоком реверансе, насколько ей позволил радикулит, и вложила свою сухую ладонь в его узловатые пальцы.

Это был не вальс. Это было медленное кружение двух уставших людей под светом луны. Они молчали, двигаясь почти на месте, шаркая калошами по утоптанной земле. Но их спины распрямились. Морщины на лицах разгладились. Сейчас это были не пенсионеры с давлением сто восемьдесят на сто, а лейтенант связи сорок пятого года и медсестра полевого госпиталя.

Музыка закончилась. Наступила тишина, казавшаяся оглушительной.

И тут же, без паузы, игла перескочила дорожку сама собой — техника была старой, со своим характером. Зазвучало бодрое, залихватское: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось…»

— О! — оживился дед Матвей. — Вот это по-нашему!

Он притопнул ногой. И случилось невероятное. Тот самый радикулит, который мучил его последние три года, видимо, постеснялся присутствия дамы и отступил. Матвей сделал первое сложное «па», щелкнув пальцами.

Их заметили. Сначала зажегся свет в окне Бориса Львовича. Бывший председатель выглянул, хотел крикнуть про нарушение режима тишины, но осекся. Его губы сами собой начали отстукивать ритм по подоконнику.

Потом хлопнула дверь дома Никиты.

— Па, что за нафталиновая дискотека? — сонно спросил студент, выходя на крыльцо в одних трусах.

За ним выскочила Лена, та самая девушка, в которую он был тайно влюблен, но стеснялся признаться.

— Прикольно, — сказала она, ежась от росы. — Ретро-вечеринка?

Никита посмотрел на танцующих стариков. Потом на Лену. Потом на свои босые ноги.
— Ну… рискнем? — неуверенно улыбнулся он.
Лена кивнула.

Они вышли на пятачок земли у колодца. Их движения поначалу были дергаными, угловатыми — современные люди, привыкшие к басам клубов, плохо попадали в такт духового оркестра. Но постепенно тело вспомнило генетическую память. Шаг вперед, поворот, рука на талии.

Один за другим зажигались окна. Дачники выходили на улицу, привлеченные невозможным звуком из прошлого. Кто-то вынес табуретку, чтобы сесть поближе. Майор Громов вышел при полном параде — в кителе с медалями, которые надевал только Девятого мая. Он подошел к Борису Львовичу, молча пожал ему руку, и вот уже два бывших начальника — военный и гражданский — неуклюже, но честно пытались изобразить танго, вспоминая армейскую молодость.

Виктор Петрович вышел последним. Он долго стоял в тени своей яблони, глядя на эту сюрреалистичную картину: прыгающая под патефон молодежь, чеканящие шаг пенсионеры и Марья Ивановна, которая размахивала садовой тяпкой вместо веера.
Хозяин присел на корточки и почесал за ухом подошедшего Керу.
— Ты хоть понимаешь, зверь, что ты сейчас натворил? — прошептал он. — Ты им детство вернул. Всем нам.

Кера потерся о его колено. В глазах кота плясали желтые искорки, отражающие лунный свет и экран телефона Никиты, на который тот незаметно пытался снять происходящее, чтобы выложить в сеть с тегом #ДачаРетро.

Пластинка внезапно зашипела и остановилась. Игла соскочила. Тишина упала на поселок мягким одеялом.
Люди стояли посреди дороги, тяжело дыша, смеясь и не зная, куда деть руки. Им было неловко и невероятно легко одновременно.

— Завтра принесу магнитофон, — громко сказал Никита, обращаясь ко всем и ни к кому. — У отца бобины есть. С Высоцким.
— Я пирожков напеку, — эхом откликнулась Марья Ивановна. — С картошкой и грибами!
— А я лавочку починю, — добавил дед Матвей. — А то сидеть не на чем смотреть, как вы скачете.

Расходились медленно. Впервые за долгое время соседи договаривались не о том, чей забор кривее, а о том, во сколько завтра встречать рассвет у воды.

Виктор Петрович занес сонного Керу в дом.
— Председатель танцевального комитета, — усмехнулся человек, укладывая кота на коврик у печки. — Нагулялся?

Кера мурлыкнул сквозь сон. Ему снилось море. Не то, пластиковое, на которое ездят по путевкам, а настоящее — соленое, пахнущее водорослями и свободой, под утомленным солнцем которого танцевали его предки много лет назад.

Глава 12. Рыбалка примирения

Утро в СНТ «Новое Подворье» началось не с пения птиц, а с густого мужского баса, сотрясавшего стекла веранды Виктора Петровича.

— Я тебе русским языком говорю, Иваныч, это моя заводь! С прошлого года застолбил! У меня тут поплавок по течению идет правильно, снасть не путается!

Виктор Петрович тяжело вздохнул и выглянул в окно. Картина была предсказуемой: берег пруда превратился в линию фронта.

Слева, нахохлившись, сидел дядя Гоша на своем раскладном стульчике. Его бамбуковые удочки были воткнуты в песок под углом сорок пять градусов — классический «профессиональный» хват. Напротив него, метрах в трех, но уже явно пересекая невидимую границу владений, расположился майор Громов. Он стоял во весь рост, уперев руки в боки, отчего его резиновая лодка-сидушка жалобно скрипела. Между ними лежала старая автомобильная покрышка — демаркационная линия, которую они начертили вчера вечером после спора о том, чей червяк жирнее.

Рыбалка для местных мужчин давно перестала быть способом добычи пищи. Это был спорт, политика и психотерапия одновременно. И последние три дня эта терапия давала сбои. Карп в пруду обмельчал, клев сошел на нет, и раздражение копилось быстрее, чем ил на дне.

Кера сидел на заборе, отделявшем участок от проулка, и методично выкусывал репей из хвоста. Он слушал перепалку, дергая ухом в такт повышенным тонам. Проблема была очевидна: мужикам нужен был враг, чтобы чувствовать себя союзниками. Но когда врага нет, врагом становится сосед.

«Экономика должна быть экономной, а рыба — глупой», — подумал кот.

У Керы была своя статья доходов в бюджете семьи Виктора Петровича. Соседний склад стройматериалов страдал от засилья мышей. Кера устроил там геноцид грызунов, за что завхоз дяди Пети ежемесячно выдавал «премию». Обычно эти деньги тратились на пакетики влажного корма «с лососем», но последнюю выплату Кера получил наличными — мятой тысячерублевой купюрой, спрятанной Виктором Петровичем в валенок. Кот стащил её еще неделю назад. План требовал вложений.

В десять утра к воротам правления подъехала машина рыбнадзора. Из нее вышел парень в форменной куртке и начал разгружать длинный сетчатый садок.

Дядя Гоша и майор Громов прервали свою дуэль взглядов.

— Проверка? — насторожился майор. — Документы на сети есть?

— Какая проверка, папаша, — усмехнулся парень. — Зарыбление. По программе развития сельских территорий. Вот, привезли малька карпа зеркального. Чтобы экология улучшалась. Бесплатно, как ветеранам труда и почетным дачникам.

Он зачерпнул ковшом трепыхающуюся рыбу и выплеснул прямо у берега, между спорными местами Гоши и Громова. Вода вскипела. Крупные, золотые, переливающиеся на солнце чешуей рыбины заметались на мелководье.

— Ух ты… — выдохнул дядя Гоша, роняя удочку. — Красавцы-то какие…

Майор Громов молча сглотнул. Конфликт был мгновенно забыт перед лицом биологической угрозы их будущему улову.

Весь день мужчины провели на берегу. Они забыли про свои границы. Они вместе мастерили новые подкормки, споря теперь исключительно о рецептах каши. Дядя Гоша настаивал на подсолнечном жмыхе, майор предлагал добавить анисовых капель. Это был конструктивный диалог двух инженеров человеческих душ.

Но время шло, солнце ползло к закату, а «зеркальный карп» не клевал. Ни разу. Поплавки стояли мертво, как надгробия.

— Бракованный малек подсунули, — мрачно заключил Громов, насаживая десятого опарыша. — Или перекормили они его там, в своей администрации.

Гоша только горестно кивнул, разминая затекшую спину. День прошел впустую. Мужчины снова начали хмуриться. Тишина становилась звенящей и опасной.

И тут случилось чудо.

Поплавок дяди Гоши резко нырнул под воду, лег набок и стремительно пошел в сторону камышей.

— Есть! — взревел Гоша, вскакивая так, что чуть не перевернул стул. — Подсекай! Ой, то есть… я сам!

Борьба длилась минут пять. Леска визжала, катушка старого спиннинга трещала на пределе возможностей. Наконец, Гоша выволок на берег красавца. Карп килограмма на два, широкий, блестящий, отчаянно хлопал жабрами на траве.

— Первый пошел! — торжествующе крикнул Гоша, хотя вокруг никого не было, кроме спящего под кустом Керы.

Не успел он снять рыбу с крючка, как поплавок майора Громова буквально выстрелил вверх и лег на воду.

— Отводи подсак! — заорал вдруг Громов голосом полкового командира. — Левее бери, левее! Не пускай в коряги!

Они работали как единый механизм. Майор тянул, Гоша бежал с самодельным сачком из дуршлага и проволоки. Второй карп оказался на берегу.

Это было невозможно. Вчера здесь ловились только ротаны размером с палец. А сейчас вода кипела. Рыба брала жадно, уверенно, практически без пауз. Через час на расстеленных газетах ворочалась гора улова.

Мужчины устали. Они сидели рядом, плечом к плечу, курили одну сигарету на двоих и смотрели на закат.

— Хороший сегодня денек выдался, — философски заметил Гоша, выпуская колечко дыма. — Правильный.

— Удочка у тебя знатная, — признал Громов. — Японская вязка?

— Дедовская. Перо павлина на обмотку пустил. Держит крепко.

Они больше не делили реку на метры. Пруд стал общим. Потому что общий труд и общая добыча всегда объединяют лучше, чем любые уставы товарищества.

Кера подошел к воде. Он наклонился, делая вид, что хочет пить, и тихо шепнул, глядя на свое отражение:

— На здоровье. Только чистить сами будете. Мне шерсть потом неделю отмывать от вашей чешуи.

Из-за спины кота послышались шаги. Пришли женщины — Марья Ивановна и Софья Павловна — с огромными эмалированными мисками.

— Ну-ка, рыбаки, показывайте трофеи! — скомандовала Марья Ивановна. — Ох и жирные! Николавна, ты икру умеешь отбивать? Будем оладьи жарить!

Женщины хлопотали, чистили рыбу, смеялись. Мужчины смотрели на них, передавая друг другу термос с чаем. Берег пруда пах тиной, дымом костра и свежим ужином. Война закончилась, так толком и не начавшись. Просто потому, что еды оказалось слишком много, чтобы воевать за место у корыта.

Виктор Петрович присел рядом с Герой, который наконец позволил почесать себе шею.

— Видишь, зверь, — сказал хозяин, щурясь на огонь керосиновой лампы. — Иногда нужно просто бросить наживку поглубже. А люди… люди сами подтянутся к леске.

Кера прикрыл глаза. Где-то в темноте сада тихонько хрустнула ветка. Завтра утром Борис Львович обнаружит, что кто-то аккуратно перевесил его любимое пугало огородное трусы задом наперед. Лето продолжалось.

Глава 13. Школа выживания кота

Луна в СНТ «Новое Подворье» этой ночью была похожа на идеально надкусанную головку сыра «Российский». Света она давала ровно столько, чтобы не споткнуться о грабли, но недостаточно, чтобы люди могли отличить собственную калитку от соседской. Идеальное время для конспирации.

Кера сидел под старой черемухой у заброшенного сарая — того самого, который он тайно готовил к превращению в Дом культуры (об этом пока знала только мышь, живущая в фундаменте, и то лишь потому, что пряталась там от его когтей).

Проблема Керы заключалась в том, что он был гением-одиночкой. Он мог манипулировать людьми, чинить проводку и даже танцевать вальс (если бы захотел), но поселок разрастался. Появились новые дачи, а значит — новые коты. И эти новички портили всю статистику дипломатических отношений.

Взять хотя бы Персика с участка номер восемь. Породистый, пушистый, избалованный холеный тюфяк. Вчера этот идиот залез в теплицу к Борису Львовичу, сожрал рассаду элитных помидоров и уснул прямо посреди грядки. Борис Львович чуть не получил инфаркт, увидев, как кто-то шевелится в листьях. Теперь персидскому лобби грозила депортация.

Или вот Кузя — тощий черный кот с другого конца улицы. Решил проявить характер и пометил колесо машины электрика Бори. Электрик Боря объявил джихад всему кошачьему роду и купил ультразвуковой отпугиватель, от которого у Керы до сих пор звенело в левом ухе.

«Стадо без пастуха», — фыркнул Кера, выпуская когти и втягивая их обратно. — «Дикари. Никакого понимания социальной иерархии».

Он поднял морду к небу и издал звук. Это было не обычное «мяу». Это был низкий, вибрирующий утробный гул, похожий на работу дизельного генератора. Звук поплыл над спящими крышами.

Через пять минут тени начали стекаться к черемухе.

Первым пришел Васька — местный авторитет, пахнущий гаражным маслом и свободой. За ним бесшумно скользнула Дымка — трехцветная красавица с глазами цвета весенней травы, кошка Марьи Ивановны, известная своим умением падать в обморок от голода так правдоподобно, что ей отдавали последнюю котлету. Последним приплелся огромный рыжий Пират — одноглазый ветеран мусорных баков из-за магазина дяди Гоши. Пират волочил заднюю лапу (после встречи с капканом Бориса Львовича) и поэтому всегда был зол на человечество.

— Явка сто процентов, — констатировал Кера, когда фигуры собрались в круг. — Начнем оперативное совещание. Тема: «Как урвать еду и поглаживания, сохранив при этом хвост и право собственности на крыльцо».

Васька зевнул, показав желтые клыки.

— Чего звал, председатель? У меня тут маршрут доставки сливок по участку семь сдвинулся, времени нет.

— Сливки подождут, — отрезал Кера. — Вопрос стоит о выживании вида. Вы позорите институт домашнего хищника. Люди начинают думать, что мы просто ходячие коврики с функцией мурлыкания.

Пират глухо заворчал:

— Двуногие — враги. Особенно тот, что в сапогах. Ставит железо на тропах.

— Потому что ты метишь его валенки! — рявкнул Кера. — Думай головой, прежде чем поднимать лапу! Валенки — это святыня пенсионера. Если хочешь выразить презрение — ляг ему на пульт от телевизора, когда идет футбол. Эффект тот же, но ты останешься цел.

Урок первый: Интонационное мяуканье

Кера встал на пенек, выпрямившись во весь свой небольшой рост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.